

Павел Антипов

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

Минск

Издатель И. П. Логвинов

2011

УДК 821.161.3-31
ББК 84(4Бел=Рус)-44
А72

Антипов, П. А.

А72 **Дипломная работа / Павел Антипов. —**
Минск : И. П. Логвинов, 2011. — 164 с.

ISBN 978-6991-34-X.

Первая книга рассказов, да и вообще первая книга Павла Антипова. Любопытный и терпеливый читатель найдёт в этом сборнике цикл «Дипломная работа», житие «Боб Иванович и Марс Марсович», а вдобавок — одиннадцать рассказов, не связанных какой бы то ни было общей темой.

УДК 821.161.3-31
ББК 84(4Бел=Рус)-44

ISBN 978-6991-34-X

© Антипов П. А., 2011
© Издатель Логвинов И. П.,
оформление, 2011

Содержание

Дипломная работа	4
Боб Иванович и Марс Марсович	70
Калиласка, покиньте вагоны	102
Немига	105
Площадь Ленина	110
Ленин	119
Загробная жизнь старца Никодима	122
История о том, как Сергей Степанович решил худеть и что из этого вышло	129
Бильярд	137
Пыжик	145
Виталик	151
Шишка	156
Злодейка-жизнь	158

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

Сначала ведь надо понять, что я писатель. А поняв, каждый день бояться: а вдруг я не писатель, а кто-нибудь другой. С другой стороны, кто я? Дворник? Не дворник. Бухгалтер? Не бухгалтер. Может, писатель? Ах ну да, конечно, писатель! Так что же я не пишу, если я писатель?

Хорошо, раз я писатель, то должен писать и получать от этого удовольствие. Ну, положим, удовольствие — явление редкое, и я просто должен писать, а удовольствие от этого получать изредка, как зарплату, к примеру. Ведь мучается дворник и бухгалтер полмесяца, а только потом зарплату получает. Так и у писателей, должно быть. Ну вот и отлично: сиди пиши.

Позвольте, а как же писать, если я дворник или бухгалтер? В смысле, я работаю дворником или бухгалтером, а на самом деле я писатель. Где мне, такому писателю, взять время, чтобы писать? По утрам! Точно, буду вставать за 3 часа до работы и 2 часа писать.

И вот я ложусь весь в волнении, в жутком трепете: завтра утром я два часа буду писать, завтра я буду настоящим писателем. Конечно, трепещу всю ночь напролёт, сплю плохо, засыпаю только под утро. Тут ведь такая беда, что всю ночь спать совсем

не хотелось, а когда надо бы уже вставать — самый сон и подошёл. Но я не сдаюсь. Встаю и иду под душ. Потом ставлю чайник, делаю кофе. Лучше было бы поставить кофейник, но у меня только чайник. Да и сам я ещё чайник, а никакой не писатель, потому что налил себе кофе в кружку, сел перед компьютером, да так и застыл. Что теперь делать? Это что, я теперь писать должен?

Ну да, ты писатель — пиши. А что писать? Хрен его знает, рассказ какой-нибудь надо придумать. Сёрбаю кофе и на время поглядываю. А до выхода на работу ещё полтора часа. Немного стрёмно, что я писатель. Как же они пишут? Неужели вот так садятся и пишут? А чего я так не могу? Может, я не писатель?

Ай, гори оно всё гаром, я, наверно, дворник или бухгалтер. Так и есть, я дворник или бухгалтер! Ну и лезу в интернет, почту проверяю, ЖЖ читаю. И на работу злой иду. А поработаю чуть-чуть, и сразу понимаю, что никакой я не дворник и не бухгалтер. Потому что мне удовольствия мало махать метлой и складывать цифры. И ещё почитаю всякие рассказы, что раньше написал — вроде писатель. А как я их написал? При каких таких обстоятельствах? Непонятно. Понятно только то, что, работая дворником и даже бухгалтером, я та-

ких рассказов снова не напишу. Что ж делать? Брать отпуск!

Точно, возьму отпуск и уеду прочь из города куда-нибудь в Гродно или Витебск, там сниму номер в гостинице, буду целую неделю сам с собой, тогда-то и начну писать.

Отлично. Так и сделал. Взял отпуск и приехал в Гродно или Витебск. А там гостиница такая страшная, там номер такой обшарпанный и холодный, ковёр на полу воняет, балкон не открывается, на стене картинка висит: гора, солнце восходит — пошлятина какая-то. Но креплюсь. Первым делом — режим! Без режима никуда. Без режима проторчу тут в этом Гродно или Витебске, денежки потрачу, отпуск профукаю, что и незачем было его брать.

Так, думаю я, значит, вставать буду снова рано. Поскольку на работу не нужно ходить, то и чувствовать себя буду свободней — и захочется писать. И планирую писать целое утро, а днём выходить на прогулку и пообедать, а вечером снова писать. Такой вот у меня режим. И чтоб ерундой не заниматься, сразу ложусь спать. А делать-то в этом Гродно или Витебске и так нечего, по-любому пришлось бы ложиться.

Ну конечно, опять не засыпается, ворочаюсь, мучаюсь тем, что с завтрашнего дня я вроде как писатель. Вскликаваю утром,

сигаю в душ, а там — горячей воды ещё нет. Её почему-то к 6 утра ещё не включают. Блин, какая фигня! Ладно, облился холодной, вытерся. Взял в руки карандаш и бумагу. И?

Вместо того, чтобы думать о том, что́ я сейчас напишу, я думаю о том, как это? Я теперь писатель, что ли? А с чего это я взял? И от этой мысли куда мне деться?

Кое-как за час справляюсь с собой и начинаю строчить. И пишу-пишу, и всё боюсь, что вдруг сейчас задумаюсь, а писатель ли я. И от этого страха писанина какая-то лажовая выходит. Самому перечитывать противно. Но я где-то слышал, что перечитывать написанное надо только через некоторое время: мол, так лучше поймёшь, что там такое понаписал.

А в гостинице в этом Витебске или Гродно никакого буфета нет, и кофе там купить нельзя. Поэтому, написав пару страниц, выхожу из гостиницы и иду в какой-нибудь вонюченький магазинчик и там в пустеньком утреннем кафетерии покупаю себе чая. Горячего до жути. И вот сидеть бы сейчас с этим чаем в номере и писать, а я в этом кафетерии сижу и пытаюсь быстрее выпить эту горячую жидкость, потому что кажется, что все продавщицы и редкие покупатели на меня глазят. Что все они осуждают меня и думают: «Ну какой из тебя писа-

тель? Писатели в Гродно чай не пьют. Они больше по Парижам в кафе сидят, смотрят, как ветер бросает листья в большой зелёный автобус».

А потом ещё какой-нибудь алкоголик подойдёт и 300 рублей попросит. А я уже на нервах весь, я прямо вздрагиваю от этого обращения. И даю ему 1000, а у себя в городе, где я дворник или бухгалтер, я никогда ничего не даю таким людям.

И настроение уже испорченное. Я не допиваю чай, возвращаюсь в гостиницу, там плюю и ухожу гулять.

В результате такого писательства появляется много листов текста, который невозможно читать. Его надо перерабатывать. Но отпуск закончился — и я уже снова дворник или бухгалтер. Времени на переработку нет.

Как вообще становятся писателями? Как об этом не задумываться? Какую надо вести жизнь, чтоб писать себе спокойно и удовольствие получать? А то выходит, что вроде и писать не получается, и на других работах работать не могу. Так и мотаюсь, увольняюсь с дворника, пробую писать, заканчиваются деньги, устраиваюсь бухгалтером, мучаюсь, увольняюсь, опять пишу — а в итоге что? Что я такого написал, что стоило бы читать? Так ведь и в бухгалтерии и в дворницком деле я ничего такого выдаю-

щегося не сделал. Но и умирать как-то тоже неохота раньше времени. Так что самоубийство исключается.

Таким образом я поступаю в Литературный институт, а дальше разберёмся.

Москва — собачий город. Во-первых, тут собачий холод. В субботу, например, мне говорили, что днём было +4. Как-то язык не поворачивается сказать, что было 4 градуса тепла. Ну и собаки здесь повсюду. Они встречают тебя на вокзале и ведут к институту. Они спят на станциях метро, сидят кружком около торговок в переходах. А когда я решил добраться пешком на ВДНХ, то шёл малопривлекательным районом с автомастерскими, заводами и полным отсутствием людей. Вместо людей по улицам там ходят собаки. Мне было немного боязно в собачьем гетто: могли попросить аусвайс, а у меня только билет на книжную выставку.

От станции метро до места, где я живу (до этой гадкой общаги, в которой сегодня на моём этаже закрыли душ), идти 12 минут. В первой трети пути надо перейти мост над железной дорогой, и как раз по правую сторону будет электроподстанция, у стены которой частенько собираются толпы собак. Их развлечение такое: затаиться и ждать,

пока какой-нибудь беспечный хозяин будет выгуливать неподалёку свою какую-нибудь моську или рекса. Тогда бездомные собаки как с цепи срываются, благо цепей на них нет: это свободные собаки — и бегут с матерным лаем к моське или рексу какому-нибудь. Хозяин тогда берёт Моську на руки и торопливым шагом идёт к переходу, а с Рексом сложнее — приходится стоять и отмахиваться поводком.

Семья Богдановичей жила в деревянном домике в Гродно. Даже не в домике, а в четверти домика.

А вот семья Чеховых жила в каменном особняке на садовом кольце Москвы. Пространства там было гораздо больше — оттого, видимо, Чехов и написал больше, чем Богданович. И это при том, что оба умерли от туберкулёза.

А я вообще где живу?! В какой-то общаге идиотской. Мне и Богдановича-то не опередить, и музей не из чего устраивать.

Путешествие

— Валер, поехали в Минск. Паша зовёт.

— Ну, раз Паша зовёт, надо ехать, Денис. Вот если бы нас звал не Паша, а, допу-

стим, Алишер Навои, то я бы ещё пять раз подумал, стоит ли ехать. Ведь Алишер Навои — это известный узбекский поэт, который никогда не был в Минске. Он умер ещё в XVI веке. Припоминаю его одну газель о смерти...

— Лан, Валер, поехали уже.

— Ах, уже? Ладно, поехали, я тебе по дороге расскажу.

Утром их поезд приехал в Минск.

— Валер, Минск уже, выходим.

— Подожди, Денис, — Валера задумчиво смотрел на задницу минского вокзала.

— Чего ждать? Поезд через 5 минут едет дальше. Дальше, в Брест, понимаешь, Валер? Ты можешь это понять? Мы выехали из Москвы, приехали в Минск, нам выходить, пойми, Валер. Москва — Минск, не Москва — Брест.

— Ах, как же мне надоели люди с линейным мышлением, — Валера нехотя засобирался.

У вагона их встретил Паша. Они пожали друг другу руки. Паша с Денисом жали руки откровенно параноидально, Валера — подчёркнуто шизофренично. В этом нет ничего удивительного, и объясняется данное обстоятельство довольно просто: Паша и Денис — параноики, а Валера — шизофреник. Творческие люди не могут быть здоровыми, творчество — это аномалия, а

Паша, Денис и Валера были людьми творческими.

— Пойдёмте скорее, я покажу вам город, — радостно прокричал Паша, как параноик.

Они зашли на вокзал, и Паша стал катать их на эскалаторе вверх, а затем они спускались по лестнице вниз. Так много раз. Вверх-вниз, вверх-вниз, вверх-вниз.

— Что мы делаем? — спросил Валера.

— Я хочу, чтоб тебе понравился Минск с первых минут. Для этого я провожу нелинейную экскурсию по городу.

— А, спасибо, мне уже нравится, — с отзвуком лёгкой шизофрении сказал Валера.

— Зато мне не нравится, — параноидально заметил Денис.

— Хорошо, пойдёмте дальше.

Они вышли из вокзала и прошли в башен высокий пролёт.

— Этот пролёт между двух башен-домов, отдалённо напоминающих московский МИД, некоторые называют воротами Минска. Я же скажу так: в правой башне живёт литературный критик Ганна Кислицына, а в левой жил мой отец да скульптор Кузя. Про него один поэт сказал: «Скульптор Кузя живёт на вокзале, там, где башен высокий пролёт», — продолжил Паша экскурсию по Минску.

Они пошли по улице Кирова, в конце

которой скверик, а в скверике скульптура «Девушка с зонтиком».

— Если вы смотрели в этом году «Евровидение», — сказал Паша, — то, наверняка знаете, что от Беларуси там выступал Дмитрий Колдун и занял 6 место. Так вот, этот Колдун, когда фотографировался для «Комсомолки», повис на зонтике девочки-памятника. Многие минчане осудили Колдуна за этот поступок. Идём дальше!

Дальше они вышли на площадь Независимости. На площади стоял памятник Ленину, а рядом — костёл из красного кирпича.

— Это самая большая площадь в Европе, — похвастался Паша.

— Что, и больше Красной? — поинтересовался Денис.

— Откуда такая информация? — спросил Валера.

— Не знаю. Нам так в школе говорили. Может, и врал.

От площади они пошли по проспекту до «Макдональдса», а там повернули к Немиге.

— Немига — это улица у нас такая, там ещё раньше речка Немига текла, но её лет сто назад в коллектор пустили. Теперь она под землёй.

Потом Паша показал Валере и Денису площадь Свободы, костёл, который раньше переделывали в Дом физкультуры, нововы-

строенную ратушу показал. Костёл, из которого планируется сделать гостиницу, тоже показал. Потом они сходили на старое замчище, где даже было непонятно, что это замчище. А потом они купили вина и сели на берегу Свислочи.

А что было дальше — лучше и не рассказывать. Подошёл наряд милиции и отвёл двух параноиков и одного шизофреника в опорный пункт. Составили протокол: «ругались нецензурной бранью, оскорбляли при исполнении, выкрикивали лозунги «Жыве Беларусь» и др., распивали спиртные напитки». Валеру и Дениса депортировали, инкриминировав экспорт революции. Пашу посадили на пятнадцать суток. И правильно: параноиков у нас в стране хватает, а шизофреник должен быть один.

Я как-то дико завишу от денег. Ну, то есть от уверенности в завтрашнем дне.

Когда я не работаю, у меня нет уверенности в том, что на завтрашний день у меня будут деньги. И это отсутствие уверенности мешает мне жить.

А когда работаю — уверен, что завтра будет так же скучно, как и сегодня. И это тоже мешает мне жить.

Одна из главных мыслей последних дней — это то, что надо быть очень спокойным, и тогда придёт идея о том, как жить. Началось всё с того, что я ехал в метро и был очень спокоен. Тогда я подумал, что если всегда буду спокоен, то, возможно, пойму, как жить дальше. Дело в том, что, как вы можете знать, я недавно изменил привычное течение своей жизни. Мне не нравится, когда всё привычно и предсказуемо, мне это скучно и надоедает. И вот я всё меняю. И тогда я сразу же начинаю волноваться: а как же я буду жить, когда всё так непредсказуемо? Как же мне раздобыть денег на то, чтоб завтрашний день был предсказуем? Вот что меня мучает. Казалось бы, я хочу вернуться обратно к спокойной жизни. Хм... Возможно. Я не знаю. Проблема в том, что я не знаю, чего хочу. Или знаю, но не могу себе в этом признаться. Хотя если б я знал, то непременно бы уж признался. Что я, дурак какой-нибудь, что ли? Я просто несчастный человек. Оставьте меня!

Чтоб устроиться на работу, мне пришлось обмануть и работодателя, и себя.

В Литературный институт на Высшие литературные курсы набрали всех кого ни попадя. Даже отбора не было — взяли всех, кто подавал работы. И, вы знаете, так приятно наблюдать, как эти все кто ни попадя начинают потихоньку образовываться. Например, взрослой женщине Ирине объясняли:

— Помните барельефы на библиотеке имени Ленина?

— Ой, вы знаете, я на метро не езжу никогда, у меня машина.

Так Ирина узнала, что библиотека имени Ленина — это не только станция метро, но и библиотека.

Из окна моего офиса открывается вид на обложку альбома «Animals» группы Пинк Флойд. Только свиньи не хватает. Она, по всей видимости, по эту сторону окна.

Единственное окно общежитской комнаты выходит в колодезь двора. Света в комнате мало ещё и потому, что одно из оконных стёкол синее.

Мысли ведь всегда какие-то есть. Почему бы их не записывать. Вот и запишу. Сижусь в общаге слушаю музыку. Смотрю в окно и понимаю, что в общем-то, променяв Минск на Москву, ничего особенного не приобрёл. Сейчас я говорю о виде из окна. Вид из окна в Минске производил на меня то же впечатление, что и вид из окна в Москве. Уж и не скажем о том, что в Минске была почти своя квартира, а в Москве — общага. Это мало что меняет при рассмотрении вида из окна.

Я сижу и не знаю, что мне делать. Всё как-то так скучно и неинтересно. Неплохо было бы сходить в магазин. Ходить в магазин очень интересно, когда у тебя есть деньги — особенно. А деньги у меня теперь есть. Я их заработал, и не будем углубляться в то, как я их заработал и нравится ли мне таким образом зарабатывать деньги. Так вот, было бы интересно сходить в магазин. Но! А что там покупать? Поест. А что конкретно поест? Не знаю. Кажется, придёшь в магазин и сразу же решишь, что тебе поест, что тебе купить. А вот и нет. Оказывается, что в магазине никогда нет того, что ты хочешь. А что ты хочешь? Да ты и сам не знаешь, только нет этого. Так, может, оттого и нет, что ты не знаешь, чего бы тебе купить?

Вот мы и подошли к самому главному. Ты не знаешь, чего ты конкретно хочешь. Именно из-за того, что ты не умеешь формулировать свои желания, тебе плохо. Что ж, тогда тебе хотя бы будет приятно потратить в магазине деньги, хоть бы потому, что они у тебя есть. А ради пары приятных секунд уже стоит сходить в магазин.

На улице ноябрь и минусовая температура. Почти зима, но воспринимается осенью, потому что — ноябрь. Это-то и хорошо, потому что ходишь в такой одежде, в которой зимой при точно такой же температуре было бы холодно, а так как осень, то вроде и нормально.

Эх, были бы рядом какие-никакие друзья или знакомые, с которыми было бы интересно. Ушёл бы в общение с ними и не заметил бы, как пролетает жизнь. Но так как ты в Москве, то друзей здесь почти нет. И ходить никуда не хочется, потому что хоть и осень, а температура зимняя. Хоть и воспринимается она по-осеннему, а выходить никуда всё равно не хочется.

Так сходи ж хоть в магазин! Надо бы, но лень. Схожу, наверно. Но буду пока оттягивать этот поход. Погрущу ещё немного.

Хочется добиться умиротворённого состояния. Такого расслабленного. Такого, что смотришь из окна — и просто так хорошо и время летит незаметно.

Слушатели Высших литкурсов продолжают образовываться. Представьте себе: лекция по античной литературе, лекторша:

— Одно из первых произведений Лукиана — «Похвала мухе».

— Муха, Муха-Цокотуха? — удивляется слушатель Ярослав.

Так Ярослав узнал, что «Муху-Цокотуху» написал греческий сатирик Лукиан.

Нелёгким до работы будет путь,

Мне станет жаль, что я не умер ночью.

Я в шарфик заматаюсь как-нибудь.

Мне холодно здесь очень, очень, очень.

Вчера я проснулся в 8 часов. На улице лежал снег, и мне очень не хотелось выходить его топтать. Чтобы добраться до работы, мне надо топтать снег: 15 минут до метро, потом 30 минут топтать мрамор станций метрополитена и пол электропоездов, а затем ещё 15 минут топтать снег. Топ-топ-топ. И всегда в моменты топтания меня подстерегают разные неприятности.

Однако выйдя из общаги, я заметил, что

на улице ничуть не противно. Есть такое время, когда выходишь из общежития и ещё не очень холодно, потому что тело и одежда не потеряли часть своей теплоты, достаточной для душевного комфорта. И морально ещё не так плохо, потому что ничто тебе пока не успело испортить настроения. И вот первые пять минут на улице, или даже не пять, а три, наверно, самые лучшие минуты дня.

У первого перехода начинаются первые неприятности. Ты думаешь, что жизнь не так уж плоха, что на улице не так уж и холодно, что ты идёшь зарабатывать деньги, а это приятно. Но на переходе нет светофора, а потому там только зебра, машины по московской привычке не пропускают пешеходов. И вот я начинаю злиться и раздражённо думать, перед какой бы машиной перебежать дорогу, потому что все их переждать вряд ли получится. Перебежал. Но тут и закончилась лучшая часть дня. Потому что раздражение уже родилось и теперь не покинет меня до следующего утра.

Потом к первому раздражению добавилось раздражение от того, что троллейбус обрызгал меня коричнево-чёрным снегом. Я шёл, отряхивался и тихо ругался. Спустился в метро. В нос ударил запах пирожков из слоёного теста. Когда-то я очень

любил эти пирожки, теперь ненавижу. Запах пирожков — это запах дешёвого существования в Москве с отрыжкой из этих самых пирожков.

Раздражение нарастает в очереди на эскалатор, в вагонной давке, среди толпы людей в переходах между станциями. Раздражает, что этот козёл прёт мне наперерез, что эта стерва пытается обогнать меня, наступая мне на пятки. При этом я хорошо понимаю, что я сам есть козёл, вставший на пути вон у того и этого, и стерва, нетерпеливо обгоняющая плетущуюся бабку, задевая её плечом. Из метро я выхожу уже совсем злой.

Дежурный справочник не даёт

Есть такая страна — РФ. Она очень большая и очень богатая, но у её жителей, к сожалению, совсем нет денег.

— Как такое возможно — спросите вы, — страна богатая, а жители страдают от безденежья?

— Это ещё что, — отвечу я. — Тут бывает так, что под Новый год скупают все билеты на поезда, а потом они обнаруживаются на сомнительных сайтах и втридорога. А то, что денег нету, так это всё от отсутствия справедливых законов да из-за дежурного у эскалатора.

Ведь было как? Когда у РФ только стали появляться деньги, чиновники придумали закон, чтоб раздавать их всем жителям РФ — для справедливости. Но, как всегда при обсуждении закона, нашёлся один бюрократ, который с издёвкой спросил у чиновников:

— Как это так, раздавать деньги всем жителям РФ?

— А очень просто, они станут в очередь, мы назначим человека, который будет раздавать, и таким образом раздадим жителям деньги, в которых они очень нуждаются, — хором ответили чиновники.

— А если в очередь станут не только жители РФ, но и, не дай бог, РБ, РП, РА;

РÖ, ЛР, АР;

ИР, ИК, БиГ;

КН, КБ, КА, КШ;

СКВиСИ, ВГЛ;

ТР, ФР, ЧР

и др.

Даже У или РФ — не нашей любимой РФ, а той, которая и без того не нуждается и лягушек на ужин жрёт? Что тогда? Им тоже народные деньги прикажете раздавать? — последние слова бюрократ аж пропищал, так разволновался.

— И что же делать? — огорчились чиновники снова хором. — Что же нам, себе, что ли, эти деньги забирать?

— Эх вы! Надо всем жителям РФ выдать справку, что они жители РФ. Но только не той, где круассаны в кофе макают, а нашей исконной РФ.

— Точно! — обрадовались чиновники всё тем же хором. — А кто будет справки выдавать?

— Да кто угодно. Назначим дежурного какого-нибудь. Вот он и будет выдавать.

Это он только так сказал «какого-нибудь», а на самом деле дежурный был не кто-нибудь, а его родственник. Они ещё перед заседанием сговорились.

Так, значит, и сделали. Приняли закон, написали в газетах, чтоб люди шли справки получать, по телевизору об этом кино показали. Жители РФ обрадовались. Давно им никто денег не давал, тем более, что они теперь особенно нужны. Пошли жители к дежурному. А тот закрыл справки на ключ и говорит:

— Нету.

— Как нету?!

— А так. Нету и не будет, наверно. Обманули вас. В первый раз, что ли?

Жители РФ тогда взяли кто палку, кто топор, кто рогатину, кто вилку, кто ложку, кто бюстик Ленина, кто дешёвый цветочный горшок с распродажи в «Икее», кто тележку из «Пятёрочки», кто ноги в руки, у кого сердце в пятки, кто-то стал мили-

цию вызывать, кто пожарную: вооружились, короче, до мозга костей — и погнались за дежурным. Квартал гонятся, второй. Догоняют уже почти, улюлюкают, видят, дежурный уже сдаёт позиции.

— Нате, — говорит. — Сдаю вам позиции вместо справок.

Жители оторопели немного, а дежурный воспользовался замешательством и скрылся в метро. Жители РФ опомнились, кинулись за ним. А он, хитрюга, спустился по эскалатору и закрылся в стеклянной кабинке. Народ обступил её, колотит в стекло, возмущается. А гад только усмехается и указывает людям на надпись, что на кабинке. А там написано: «Дежурный у эскалатора справок не даёт».

Пошумел народ, пошумел, но делать нечего: написано пером — не вырубишь топором, отпечатано в типографии — тираж больше Астафьева, наклеено умелой рукой — никто не виноват, что ты дурак такой. Стали расходиться потихоньку. А дежурный сидел в кабинке со справками и боялся выходить.

Ну и зря. Потому что у этой истории, наперекор действительности, запланирован чудесный хеппи-энд: этакий «деус экс машина». Вскоре после описанных событий в вагонах метро стали расклеиваться такие объявления:

Дадим деньги!
Всем жителям РФ
в течение 30 минут
без справок и поручителей
11-20-007

Нашлись-таки на Руси исконно добрые люди и выручили жителей РФ. С тех пор у жителей есть деньги, но дежурный об этом не знает. Так и сидит со своими справками у эскалатора.

В метро сидит узкоглазая смуглокожая девочка и читает в учебнике истории такую главу: «Борьба русских земель и княжеств с монгольским завоеванием».

Новость первая: разговариваю вчера с Женькой Сосновым. Он мне: «Сколько ты уже работ переменял? От тебя каждая вторая новость, что ты уволился».

А теперь прервём наш разговор для того, чтобы сообщить вторую новость: я уволился.

Утром кофе, вечером «Роллтон». Я и забыл, что бомж-пакеты бывают такими вкусными.

В нашем общежитии в комнатах живут по двое. Я тоже не исключение: я живу с Денисом Дробышевым. Даже Валерий Печейкин, и тот живёт с Ярославом, а вы говорите. И несмотря на такую парность расселения, к комнате прилагается только один ключ. Никто вам не запрещает сделать дубликат, но он, к сожалению, стоит денег, а это затрудняет нашу и без того сложную жизнь в общежитии. Поэтому дубликат мы не делаем, а стараемся возвращаться в комнату вместе.

Ну, если уж совсем не получается, то пытаемся оставлять ключ у лысого вахтёра. А это, надо сказать, не всегда получается. Ведь наш вахтёр имеет неприятную наружность с золотым зубом и скверный характер, поэтому на него даже смотреть противно, не то что ключ оставлять. Мало ли что он может сделать с ключом этим своим золотым зубом? Вот задумаешься об этом — и обязательно забудешь ключ оставить. А потом из-за этого проблемы.

Жизнь насекомых

Ну, давайте пофилософствуем, подумаем, что мы из себя представляем, кто мы на самом деле, зачем этим занимаемся и почему не занимаемся чем-нибудь другим.

Окей, про себя думать сложно, возьмём хотя бы Бориса. Родился в Смоленске, отучился на экономиста, пошёл на хорошо оплачиваемую работу. Кажется бы, живи припеваючи, двигайся по карьерной лестнице и копи на мелкие и крупные бытовые приборы. Жену себе заведи, Борис. Бери девушку скромную — чтоб звёзд с неба не просила, и живи с ней душа в душу. Неужели плохо? «Не плохо, — отвечает Борис, — да только как же я семью буду заводить, когда я не знаю, кто я такой? Как я детям в глаза посмотрю и что отвечу, когда они у меня спросят об этом или, ещё хуже, поинтересуются, кто они такие, кем им быть? А я даже не знаю про себя». В общем, на работе Борис грустит, а вечером, вместо мелких буржуазных радостей — пива, там, попить, в бильярд поиграть, телевизор посмотреть — Борис пишет рассказы, и даже у него уже готова одна повесть. И вот он догадывается, что никакой он не экономист, а что-то вроде писателя, потому, видимо, и мучается на работе. Делать нечего: чтоб догадки подтвердились, надо всё бросать и ехать в Литературный институт, что в Москве. Так он и делает.

А в это время за три с половиной тысячи километров в Алма-Ате, аж в другой стране, мучается юрист Жумагул. И мучения его как две капли воды похожи на Борисо-

вы. Даром что Жумагул азиат и вместо рассказов пишет стихи. Ведь если ты работаешь на нелюбимой работе, то не играет роли твоя раса, вероисповедание и предрасположенность к одному из семинаров Литинститута.

Конечно, они идиоты — и Борис, и Жумагул. Конечно, надо было думать раньше и в 17 лет определиться с тем, куда поступать. Но если поразмыслить, лучше так менять жизнь, чем когда уже семья и дети. Ведь когда семья и дети, ничего уже не изменишь. Так что, если разобраться, не такие уж и идиоты Жумагул с Борисом. Тем более, и того, и другого приняли в Литературный институт без всяких оговорок. Это обнадеживало обоих, они уже были уверены, что скоро найдут ответ на вопрос «Кто я такой?»

В первых числах сентября, тёплым солнечным днём, с запада в Москву въехал Борис. В то же время с востока прибыл Жумагул. Западу с востоком суждено было встретиться в фойе общежития Литературного института.

Борис пришёл первым.

— Здравствуйте, — сказал он как можно более по-писательски лысому охраннику, смотревшему телевизор в вахтенной будке.

Охранник взглянул на Бориса и, ничего не ответив, повернул голову к экрану.

— Извините, пожалуйста, не могли бы вы подсказать, как заселиться?

Охранник нехотя отвлёкся и спросил, обнаруживая во рту пару золотых зубов:

— А вы вообще кто?

— Я — Борис Игнатов, — виновато сжавшись, произнёс Борис. Он чувствовал, что оторвал охранника от чего-то очень важного.

— Зачем мне ваше имя, я спрашиваю, вы — откуда?

— Из Смоленска.

— Хоть из Караганды! Учитесь вы где? В школе экономики?

— Я в институте учусь. В Литературном институте, — всё тише и тише говорил Борис.

— Где-где?!

— В Литературном.

— Так бы сразу. Как фамилия?

— Игнатов.

Охранник порылся в списках, нашёл фамилию Бориса.

— Садитесь и ждите, я скажу коменданту.

Охранник ушёл, показав на спине надпись «Агент-1».

«Надеюсь, он тут такой действительно один», — подумал Борис и сел. Агент-1 скоро вернулся и продолжил смотреть телевизор, будто бы Бориса не существовало. А Борис боялся нарушать спокойствие Агента-1.

Минут через двадцать в общежитие вошёл молодой казах. Повторилась похожая сцена.

— Вы кто?

— Жумагул.

— Как же вы меня заколебали! Учитесь вы где?

— В Литературном институте, — ответил Жумагул.

Агент-1 снова сходил куда-то и вернулся к телевизору.

В следующие полчаса Борис и Жумагул успели познакомиться и вполголоса, чтобы не мешать Агенту-1, обменивались своими биографиями. Они были наивно рады тому, насколько похожи. Хоть один из них европеец, а второй азиат, всё-таки они нашли в себе силы изменить жизнь, как им казалось, к лучшему. К концу разговора они были в восторге от того, что будут вместе учиться и жить в одном общежитии. Когда все темы были исчерпаны, Жумагул спросил:

— Слушай, Боря, а чего мы ждём?

— Не знаю. Наверно, коменданта.

— Так что же он не идёт? Ты спроси у охранника.

— Мне как-то не ловко. Спроси ты.

Жумагул подошёл к Агенту-1.

— Извините, а долго нам ждать?

— Откуда я знаю? Ждите, вас позовут.

И они ждали. Час ждали, два ждали. Пока не вышел мужчина и не спросил, почему они здесь сидят. Это оказался комендант.

Бориса и Жумагула поселили в комнату с двумя голыми кроватями, шкафом, столом и стулом. Потолок был в тёмно-коричневых подтёках, с пола пахло несвежим ковровином.

— Ну и комнатка, — уныло сказал Борис.

— Да, не очень-то тут уважают писателей, — Жумагул сел на край кровати.

— Мы ведь ещё не писатели, — уточнил Борис, — с писателями бы так не обращались. Надеюсь, хоть душ у них тут есть.

Борис взял шампунь, полотенце и вышел из комнаты. Походив по коридору, Борис выяснил, что на всём этаже была только одна душевая. Естественно, она была занята, поэтому пришлось ждать у закрытой двери и представлять очереди, которые бывают здесь по утрам. Литература начала показывать Борису, каких именно жертв она требует.

Дверь открылась — и навстречу Борису вышла полная краснолицая девушка в халате и с тюрбаном из полотенца на голове. Улыбнулась. Бориса передёрнуло. «Неужели так теперь будет каждый день?» Пока он это думал, его отпихнул какой-то рабочий с разводным ключом и прошёл в душ.

— Простите, но я следующий, — возмутился Борис.

— Куда прёшь, не видишь — ремонт! — рабочий скрутил краны, шланг и собрался уходить.

— А где же мне теперь мыться? — удивился Борис.

— Почему мне знать, я что — комендант? — и ушёл.

Борис с тоской поглядел на мёртвую душевую и пошёл обратно в комнату. Дёрнул ручку — закрыто. Борис сел под дверь и обхватил голову руками.

Жумагул тем временем уже разыскал туалет и прикидывал, как ему присесть на унитаз не касаясь его и не намочить штаны в желтоватой воде, хлюпавшей под ногами. Про человека, который мало ест, обычно говорят, что он питается, как птичка. Жумагул питался нормально, но, несмотря на это, его теперь тоже можно было сравнить с птичкой — он стоял в одной из туалетных кабинок на полусогнутых ногах, руками-крыльями не давая штанинам опуститься до пола.

Из кабинки Жумагул кинулся к умывальнику, как будто думал, что чем быстрее он помоеет руки, тем скорее его покинет отвращение к туалету. Тут он с удивлением увидел, что из соседней кабинки вышла девушка и тоже направилась к умывальнику. Туалет был общий. Они мыли руки, стараясь не глядеть друг на друга.

Жумагул застал Бориса под дверью комнаты.

— Представляешь, душ закрыли!

— Ты бы видел этот туалет!

Одновременно возмутились и Борис, и Жумагул.

— Нет, я этого так не оставлю, — горячился Жумагул.

— Немедленно пойдём к коменданту, — заявил Борис.

Друзья спустились на первый этаж. Борис немного даже грубо толкнул дверь к коменданту, но сразу же растерялся. В кабинете сидел Агент-1 и раскладывал пасьянс на компьютере. Рабочий день коменданта закончился.

Расстроенные, они вернулись в комнату и принялись разговаривать о себе и литературе, которая потребовала от них жертв.

— Ты думаешь, ты писатель, Борис?

— Это я и приехал выяснить. По крайней мере, я точно знаю, что я не экономист, хоть я им и работал.

— Да, я тоже работал не тем, кем хотел бы. Думаешь, мы тут разберёмся, кто мы?

— Уверен в этом! — отвечал Борис.

Потом они дали друг другу почитать свои рассказы и стихи. Хвалили друг друга, критиковали. В общем, почувствовали себя настоящими писателями. Только ненадолго, потому что скоро им захотелось поку-

рить, и они пошли на улицу. Проходя мимо будки Агента-1, они вспомнили всё, что с ними произошло сегодня: и заселение, и туалет, и душ.

Следующее утро Бориса и Жумагула началось под звуки дрели. На этаже устроили ремонт, рабочие сверлили стены, перепланировывали пустые комнаты, разбивали перегородки душа, откручивали двери, меняли окна. В институте было то же самое. Лекции приходилось слушать под грохот алюминиевых листов, которые сбрасывали с крыши рабочие, похожие на Жумагула. Чтобы пройти от корпуса до корпуса, нужно было обогнуть не одну кучу стройматериалов, сваленных во дворе Литинститута. К последней паре, как правило, шум затихал, и по институту разносился запах еды, которую готовили рабочие, жившие прямо в аудиториях. Перед едой рабочие мыли руки, головы и ноги в туалете, не стесняясь студентов.

Вскоре Жумагул и Борис свыклись с тем, как им предстоит жить ближайшие годы. Однажды они всё-таки сходили к ректору пожаловаться на жизнь.

— А почему вы с этим вопросом ко мне? — печально спросил ректор, выслушав сбивчивые жалобы друзей.

Затруднившись с ответом, Борис и Жумагул не нашли ничего лучшего, как изви-

ниться и выйти. Выше можно было жаловаться только господу, в которого они не верили, как и в себя.

Каждый новый преподаватель начинал лекцию следующими словами:

— Научить писать — невозможно!

Видимо, занятия в институте сводились к тому, чтобы за два года доказать студентам этот нехитрый тезис.

Один преподаватель признался на паре:

— За всю историю существования Литинститута из этих стен не вышло ни одного писателя, за исключением тех, кто писателем сюда вошёл.

А Борис с Жумагулом не знали, кем они вошли в Литинститут. Они ведь специально для этого и приехали, чтоб узнать, кто они такие, — а оказывалось, что это надо было выяснять заранее.

Но даже если б им сказали, что научить писать очень даже можно, то вряд ли Борис и Жумагул теперь восприняли бы эти слова всерьёз. Они даже уже не удивлялись тому, что каждый новый день приносил с собой новые лишения. Всё чаще они сидели в своей комнате и молчали, слушая, как на этаже грохочут дрели и молотки. Однажды в их комнату пришёл электрик и скрутил все розетки, кроме одной. Ребята даже не подумали возразить ему. А на следующий день закрыли туалет и обещали подселить

двух студентов из школы экономики.

Столько было всего в общежитии, что они даже не обратили внимания на объявление:

Уважаемые студенты!
10 октября в 19:00 будет проводиться
обработка против тараканов.
Просьба всем быть дома.
Администрация

А зря, потому что в 19:00 в комнату Бориса и Жумагула постучал человек, который помог им разобраться с тем, кто они такие. Человек был в респираторе и с баллоном химикатов.

— Освобождаем плинтуса! Обработка тараканов! — кричал человек в респираторе.

— Но у нас нет тараканов, — сказал Жумагул.

— Так все сначала говорят. Надо обработать, — начал обрызгивать комнату вдоль плинтусов.

Борис закашлял первым, за ним Жумагул. Спасаясь от химикатов, они выбежали в коридор, но там тоже пахло инсектицидом. Двери других комнат были раскрыты. Из них высыпались кашляющие студенты. Кто-то хрипел и с красным лицом падал на пол, другие бросались к единственному окну в конце коридора, около которого образовалась давка.

— Борис, так больше жить нельзя! — пошевелил усиками Жумагул.

— Невозможно, Жумагул, просто невы-

носимо, — и Борис засеменил лапками к вентиляционному отверстию под потолком. Жумагул побежал следом. Остальные студенты вскоре устремились за ними.

Агент-1 шёл по этажу и выключал свет в пустых комнатах.

Кассирша в магазине простила мне 20 копеек. Мелочь, а приятно.

В тумбочке лежал старый кабачок. Я посмотрел на него немного, помыл, разрезал на мелкие части и потушил с картошкой. Получилась целая сковородка.

После разделки кабачка в тумбочке нашлось пол-упаковки овсяных хлопьев. Великолепно!

Остатки макарон — 20 гр.

Начавшая портиться осьмушка капусты — 50 гр.

Бульонный кубик — 1 шт.

Картофель — 2 шт.

Луковица — 2 шт.

Капусту очистил от порчи, срезал съедобные части с кочерыжки. Картофель, лук и кубик очистил от кожуры. Всё мелко порезал, кубик растолок. В полученную массу добавил остатки макарон и воду. Поставил на огонь. Вкусно.

Кормилица ты наша

— Вдумайтесь, сейчас нас кормит литература, — сказал Павел Свердлов и продолжил кромсать вилкой котлету.

Было это в 2005 году на литературном конкурсе Короткевича. Я, Свердлов и другие не очень взрослые литераторы обедали в кафе «Veduta» за счёт конкурса. Я тогда очень в это вдумался, но даже представить себе не мог, что литература может не только кормить, но ещё поить и возить.

Эти качества литература явила совсем недавно, буквально пару дней назад. Дело в том, что по результатам конкурсов обычно выходят книжки, а потом по городам Беларуси устраивают презентации с участием авторов. Вот тогда-то литература начинает поить и возить, не забывая также кормить.

Сначала литература отвезла меня в Витебск, откуда нас с Ирой Борисевич забрал микроавтобус, в котором литература везла Андреев — Хадановича и Покровского —

Сяржука Медведева и Артёма Арашонка. Мы направлялись в Лиозно.

Там нам предстояло выступить в настоящем Дворце культуры, битком набитом подростками. Я сразу вспомнил рассказы бывалых литераторов о переполненных залах ДК, о которых они говорили, как о чём-то навсегда утраченном, и понял, что старые добрые времена потихоньку возвращаются. Детей собрали, правда, не ради литературы, а для того, чтоб прочесть им лекцию о вреде СПИДа. «Главное, дети, это целомудрие», — вот после каких слов, предстояло выступить молодым литераторам.

Публика оказалась более чем благодарной. Она смеялась почти постоянно. Но особенно громко подростки смеялись, когда Андрей Хаданович объявлял очередного выступающего. «Ірына Барысевіч» — смех в зале, «Андрэй Пакроўскі» — хохот, «Сяржук Мядзведзеў» — рогот, а после того, как Сяржук вышел в своей жёлтой рубашке, казалось, стены рухнут. Но, пожалуй, ещё сильнее молодёжь Лиозно смеялась над строчкой Андрея Хадановича «Блякнуць знакі задзянку», особенно над словом «блякнуць».

Меня Хаданович представил как человека, который для того, чтобы выступить в Лиозно, специально ехал из Москвы. Девочка с последних рядов искренне удивилась: «Вот идиот». Но я на неё не обижа-

юсь. Она, думаю, не каждый день ест кабачки на завтрак, обед и ужин.

После концерта подростки купили целых три книжки, и мне пришлось почувствовать себя Кириллом Дубовским, так как меня попросили поставить автограф на сборнике, в который включён он, а не я.

Потом литература повезла нас в Оршу, где накормила, напоила и отвела в квартиру, увешанную национальными флагами и отклеивающимися обоями. Здесь публика была гораздо более образованной. Она не смеялась с наших фамилий и со слова «блякнуць» и купила целых шесть сборников молодых литераторов.

*Исцинна вам гавару:
Я стажор на ленце.ру!*

Умер князь Олег

После непродолжительной болезни скончался киевский князь Олег Вещий, сообщает «Повесть временных лет».

По словам поэта Александра Пушкина, смерть наступила в результате укуса змеи, которая выползла из черепа бывшего княжеского коня.

Ранее Пушкин сообщал о пророчестве ку-

десника, который несколько лет назад сказал Олегу: «Примешь ты смерть от коня своего», — после чего князь приказал отвести коня на луг, купать, кормить отборным зерном и поить ключевой водой.

Накануне смерти, по информации Пушкина, Олег пировал с дружиной и, узнав о том, что его конь давно мёртв, решил навестить останки животного. В момент беседы князя с прахом коня из черепа выползла змея, обвилась вокруг ног и ужалила Олега, пишет поэт.

По сведениям «Повести временных лет», Олег назван Вещим после возвращения из византийского похода в 907 году. С 879 года Олег был князем новгородским, а с 882 — киевским.

Напоминаем, что ранее «Сага об Одде Стреле» сообщала о смерти викинга Орвара Одда, который также погиб от змеи, выползшей из черепа коня.

Такая удача, прямо не знаю, как и сказать. Обычно у меня спрашивают, что бы я хотел получить на день рождения. А я только пожимаю плечами, потому что мне кажется, всё у меня уже есть. Этот день рождения будет особенным.

Дело в том, что несколько часов назад у

меня украли кошелёк. Произошло это счастливое событие в метро. Я очень благодарен тому, кто избавил меня от этой нужной вещи. Ведь теперь я знаю, что попросить на день рождения.

Итоги жизни

1. Мне 27, и я наконец-то не пошёл в армию. По моим ощущениям вместо армии — Москва.

2. Я понял, что Лента.ру не очень отличается от бухгалтерии (в широком смысле): работа в коллективе — это г.; отнимает много времени.

3. Ненавижу богатеньких. Наверно, завидую, потому что сейчас нужны деньги.

4. Люблю покой и ненавижу суету. Город — отстой. Большой город — ещё хуже.

5. По большому счёту, я живу именно так, как хотел. Связан с литературой, живу не в Минске, заработок периодический, прерывистый, ближайшее будущее — непредсказуемо.

Дорога от общежития до института занимает совсем немного времени, каких-нибудь 40 минут. Столько же мне требовалось, чтобы добраться от дома до университета,

когда я учился в Минске. Тогда эти 40 минут тянулись значительно дольше, чем сейчас. Наверно, это такая особенность человеческого организма: жить с каждым годом всё быстрее.

Минские 40 минут я проводил в автобусе №59. Я считал большой удачей, что прямо от моего дома до учёбы можно доехать без пересадок. Я садился на двойное место у окна, которое помогало от бабок, не по годам резво забегавших в автобус на Комаровке.

За 40 минут можно было подготовиться к французскому, прочесть параграф по истории или финансам, разозлиться на составителей учебников за корявый их язык и открыть Диккенса. Думать и смотреть в окно тоже никогда не надоедало. Иногда в автобус заходила толстая-претолстая тётка, постриженная «под горшок». Несколько раз она садилась рядом со мной, тем самым вмешиваясь в мои размышления. Дело в том, что она была размером на два места, а никак не на одно, поэтому четверть тётки свешивалась в проход, а другая четверть занимала моё сиденье. И вот я в тесноте и обиде ехал, обдумывая, что же может заставить человека так располнеть да ещё ездить в автобусе. Иногда эта особа заходила и выбирала место не рядом со мной. Эта удача заряжала меня оптимизмом на пол-

дня. А оптимизм в институте мне очень пригождался.

Ещё можно было играть в интересную игру. Называется «Закрой глаза». Суть игры такова: закрываешь глаза, отвлекаешься от того, что ты едешь в автобусе, а потом пытаешься угадать, в каком месте сейчас проезжаешь. Интереснее даже не угадать и приятно удивиться, что ты уже около тракторного завода, а не у ботанического сада. Зимой же к этому добавляются замёрзшие окна. И для того чтобы узнать, где ты, надо проколупать дырочку в инее на окне.

И вот одним декабрьским днём я еду в 59-ом и играю в эту игру. А впереди, надо сказать, какая-то важная контрольная, но я на неё как раз успеваю. Два раза уже обнаружил себя в неожиданном месте и очень доволен. Закрываю глаза в очередной раз — и тут организм проделывает со мной такую шутку: я случайно засыпаю. Игра оказалась гораздо интереснее, чем я предполагал. Просыпаюсь и пытаюсь сообразить, где я. Сначала я поразился тому, что я в автобусе, потом вспомнил, что еду на контрольную, куда не хотелось бы опоздать, потому что все сидят, что-то пишут, а ты такой заходишь и все на тебя обращают внимание, а я терпеть не могу, когда на меня в таких нелепых ситуаци-

ях обращают внимание — я люблю, когда на меня обращают внимание по какому-нибудь хорошему поводу, а не потому что я опоздал на контрольную, к тому же ещё надо будет к нелюбимой преподаше подходить за вариантом, объяснять, почему опоздал, ох. Не надо бы туда опаздывать. И только в последний момент я вспоминаю, что играю в «Закрой глаза». Ух ты, думаю, а где бы я сейчас мог оказаться? На Радиальной? Нет, пожалуй. Может, Долгобродская? Ладно, пусть это будет площадь Ванеева, на которой находится мой универ. И я колупаю дырочку в окне, «намёрзшем в два пальца». За окном какая-то опора линии электропередач, а за ней больница.

59-ый — очень длинный маршрут. Он начинается рядом с моим домом, потом Комаровка, Заводской район, зоопарк, и кончается в Чижовке. Универ мой находится примерно посередине, а то место, где я проснулся, называется “Детская больница”. Не думал, что когда-нибудь снова увижу больницу, где лежал девятилетним. Причём дело было тоже в декабре — тогда я неловко напоролся глазом на палку от санок. Очевидна мистическая связь моих глаз с этой больницей.

В общем, на контрольную я тогда опоздал.

Сразу же после окончания школы мне предстояло решить, куда идти учиться дальше. Знаю, что некоторые особо талантливые люди решают это ещё до окончания школы. Очень за них рад и сожалею, что не оказался из их числа.

Процесс выбора был мучительным. Мысли о филологическом факультете, конечно, возникали, но сразу же отменялись из-за боязни диктанта, который без шпаргалок я писал только на «тройки». Иняз тоже пугал диктантом, к тому же французский за 11 лет успел изрядно поднадоесть. В это время в Минск приезжал папин друг Пётр Кошель, который имел какое-то отношение к Литинституту: то ли экзамены там принимал, то ли преподавал. Мне польстило его предложение попробовать поступить в Литинститут, но я понимал, что это не более осуществимо, чем поступление в Горы-Горецкую сельскохозяйственную академию, которое предлагала мамина сестра. Эти ВУЗы находились не в Минске, а тогда, кроме экзаменов, я боялся ехать учиться в другой город. Время покажет, что не зря боялся.

Наконец у меня выработались требования к будущему месту учёбы: оно должно быть в Минске, экзамены должны быть не

сложными. На 100 процентов мне не подходил ни один ВУЗ, зато процентов на 80 подходил Нархоз. Чтобы туда поступить надо было сдать таких три экзамена: русский язык — сочинение (что может быть проще!), французский — устно (со спецшколой именно по этому языку — смешно даже), математика. Вот с математикой были некоторые проблемы. Именно математикой и только ей я занимался месяц перед поступлением.

Первым я сдал русский, за ним математику. Жутко измождённый, вконец измученный и со звоном в ушах, я пришёл сдавать французский. В кабинете сидели два немолодых преподавателя: мужчина и женщина. В кабинете сидели пять молчаливых студентов. В кабинет вошёл взволнованный я. И, какое удивление, преподавательница говорит «Здравствуйте», а преподаватель протягивает мне руку. «Господи, — думаю, — какие понимающие люди, именно этой доброжелательности мне и не хватало», — и я пожимаю крепкую мужскую руку, протянутую мне, и я уже почти спокоен, даже улыбаюсь.

Препод высвобождает свою кисть: «Экзаменационный лист дайте», — чуть раздражённо говорит он. И тут я понимаю, что на этом месте не должно было быть рукопожатия. Я пожал то, что пожимать не следова-

ло. Следовало вложить в руку экзаменационный лист и спокойно готовиться к ответу. Теперь о спокойствии не могло быть и речи.

Сегодня 11 часов паковал подарки с водкой. К концу дня озверел так, что хотелось её не паковать, а пить. Решил после работы взять пива, но на счастье в плеере оказалась «Нирвана». “You know you’re right”, — пел Кобейн — и я верил, что действительно прав, что так живу. Так, как сегодня. А сегодня я 11 часов паковал водку.

Я встал в 8 утра. Прошло два с половиной месяца, а ничего не изменилось, я снова встаю в 8. Хотя, по правде, это единственное, что осталось прежним. Я уволился из «Связного», и я устроился на «Ленту.ру». Потом я уволился с «Ленты.ру» и никуда уже не устраивался. Но встаю в 8 часов утра.

Теперь мы с Денисом пытаемся по утрам писать. Он тоже нигде не работает: мы писатели.

Денис не хотел вставать в восемь, ссылаясь на головную боль, и попросил разбудить его в девять. Что ж, в девять так в девять, мне пофигу. Я пошёл мыться. Ока-

зывается, в это время, в которое я проснулся, совсем никого нету в душе. Мне это нравится, когда я один на шесть кабинок. Ненавижу светить свой зад перед козлами, которые иногда попадают в душевой.

Ну вот, я попил кофе и пишу рассказ. Я задумал художественно обработать историю про дробышевского дядю, где он по пути на работу встречает друга, они пьют пиво, потом находят кошелёк, идут в ресторан, потом пьют чернило и выясняется, что рабочий день к концу и т.п. Вчера мне казалось, что я написал страницу офигенного текста, но сегодня мне блевать от него хочется, и я не напишу ни строчки.

Я работал где-то час, когда захотелось есть. Очень захотелось есть. Я теперь пытаюсь питаться сплошными кашками, чтоб растянуть оставшиеся деньги. Кашки стоят в районе доллара за кило, и это мне подходит. Но от кашек не сильно наедаешься, поэтому я решил сбегать за булочкой к чаю. Сбегал.

После этого писанина пошла какая-то редкая и заглохла совсем.

Потом я лазил по интернету, как дурак, ничего полезного там не сделал. Ко мне стал подбираться вечер, и, пока не стемнело, я пошёл гулять. Хотел поесть мороженого в «Макдаке», но там была дикая очередь, и мест свободных не предвиделось. Поэтому зашёл в местный супермаркет, купил там

глазированный сырок, батон и дешёвую консервированную фасоль.

Всё это я скоро съел.

Живёт такой Лёха

Денису Дробышеву

1

— Девушка, где у вас кровати?

— В середине зала, — продавщица смотрела сквозь Мишку и сквозь витрину на улицу.

Мишку это совершенно не коробило. В первых, он знал, что продавщица не девушка, а сорокалетняя бабица, крашенная хной, во-вторых, он не встречал ещё продавщиц, которые бы вели себя по-другому.

Мишка пошёл в центр магазина, покрутился между кроватями и вернулся к продавщице. Хлопнула дверь: вошёл ещё один посетитель.

— Девушка, а детских нет? — спросил Мишка у бабицы-продавщицы.

— Чего детских?

— Кроватей.

— Вы что, сами не видите?

— Сам не вижу.

Продавщица перевела взгляд на Мишку и повысила голос:

— Раз не видите, значит нет!

Тут неожиданно в разговор вступил недавно вошедший парень, на вид Мишкин ровесник.

— А если кровати всё-таки есть, но Михаил не видит?

Мишка обернулся на знакомый голос:

— Лёха!

— Мишка!

— Не ожидал, не ожидал! — приговаривал Мишка, тряся Лёхину руку.

2

От Лёхи много чего не ожидали. Неожиданность была вторым именем Лёхи. И если вы говорите «Лёха», то должны понимать, что всё пойдёт не так, как задумывалось.

Первый сюрприз в жизни Лёха преподнёс своей маме, когда вместо девочки родился он. А мама уже и имя придумала... Ну да что мы его будем вспоминать, всё равно уже Лёха родился. Во время прививок и уколов, на которые обречены все мы в начале своей жизни, Лёха не плакал, как это делаем мы, а смеялся. Ну не хохотал, конечно, он ведь не сумасшедший, но уж как минимум улыбался, что очень пугало врачей, и те советовали Лёхиной маме свозить ребёнка на обследование в психоневрологический диспансер.

Школу Лёха не любил. Не раз бывало, что вместо занятий он шёл в гости к Миш-

ке, родители которого рано уходили работать на радиаторный завод. Когда Мишки дома не оказывалось, Лёхе приходилось слоняться по улице и ждать, пока его мама не уходила в фотостудию. Мать Лёхи была фотографом, хотя он предпочёл бы, чтоб она работала на заводе, где не такой гибкий график. Ведь не раз Лёхе приходилось залезать под кровать, когда его родительница заходила домой посреди рабочего дня.

Излишне, наверно, будет говорить, что успеваемость Лёхи была такой, что можно было бы сказать «оставляет желать лучшего». Лучшего, правда, никто не желал, поэтому, когда он вдруг ни с того ни с сего поступил в главный ВУЗ страны, его одноклассники долго возмущались: это ни в какие ворота не лезло — чтоб троечник выкидывал такие штуки. Действительно, как-то не слишком вежливо со стороны Лёхи, и он, видимо, это понял, потому что университета так и не закончил, вылетев на третьем курсе.

Потом в жизни Лёхи возникали и исчезали разные работы, куда он легко нанимался и которые ещё легче бросал. На момент встречи с Мишкой Лёха был телефонным монтером: прокладывал кабеля, прибывал телефонные провода, ходил по вызовам граждан, которые жаловались на аппараты или отсутствие гудков.

Но попробуем вернуться в комиссионный

магазин. Только не так-то это просто теперь сделать. Ретроспекция есть ретроспекция. Словом, тот день начинался для Лёхи довольно-таки необычно, как и всё в его жизни, это вы уже поняли. Лёха встал необычно рано и как следствие раньше чем надо вышел из дому. Нет, если бы он хотел прийти в телефонный узел к началу рабочего дня, то именно тогда и надо было выходить. В том-то и дело, что Лёха не любил приходить вовремя.

Чистым и немного прохладным летним утром Лёха вышел на бульвар имени украинского поэта. Шёл не спеша, тихонько покачивая рабочим чемоданчиком, внутри которого было всё, что может понадобиться телефонному монтеру: кусачки, с лёгкостью перекусывающие толстые телефонные кабели, не говоря уже о тоненьких двужильных проводках квартирных телефонов; небольшой молоток; спичечный коробок, где вместо спичек — куча маленьких гвоздиков, и отвёртка с оплавленной пластиковой рукояткой — память о том, как Лёха перепутал телефонный щиток с электрическим. И вот всё это тихо покачивается в его чемодане, а перед Лёхой прямой линией лежит бульвар.

Слева ездят машины, справа ездят машины, а в центре пешеходная зона со скамейками, дубами, клёнами и изредка ёлками. На скамейки уже начинают выползать первые красные рожи бульварных завсег-

датаев. Точно в центре бульвара — перекрёсток. Там же, по углам перекрёстка, находятся четыре магазина: овощной, хлебный и два гастронома. Так что это не просто центр бульвара, но также культурный и экономический центр Лёхиного района. Здесь собираются, чтоб постоять в очереди, пообщаться и, если повезёт, купить того-сего, так как времена такие, что не всегда можно что-нибудь купить.

Конец бульвара упирается в кинотеатр имени украинской столицы, куда культурный центр района перемещается по вечерам. В одноимённом сквере вокруг кинотеатра выпивает молодёжь, слышны гитары, а иногда случаются драки. Но это по вечерам: утром тут можно встретить только одиноких старых бабок, которые бессмысленно сидят на скамейках вдоль дорожек, осматривают прохожих, не решаясь последовать за своими дедами.

Сколько Лёха себя помнит, его район никогда не менялся. И долго ещё не изменится — на протяжении нескольких десятилетий всё те же тихие утра, те же красные лица вечных пьяниц, те же скамейки на асфальте, через который пробивается травка и молодые деревца. По этой причине многие будут приходить в этот «заповедник» поностальгировать о прошлой жизни — такой невыносимой, ког-

да ты ей живёшь, и такой прекрасной, когда она минула.

Кстати, напротив сквера, чуть в стороне от бульвара, находится комиссионный магазин, где всегда можно купить уценённую кровать, или стол, или пианино, или комод, или табуретки, или кресло-качалку, или там есть подержанные радиоприёмники и телевизоры. Лёха никогда ничего не покупал, но частенько заходил в комиссионку, вроде как в музей. Вот и сейчас желание оттянуть начало рабочего дня завело его сюда. А тут — Мишка, который трясёт его руку и приговаривает:

— Не ожидал, не ожидал!

3

— Это я не ожидал, что ты детскую кровать искать будешь. Ты что, в детском саду завхозом работаешь? — спросил Лёха.

— Не, я — как родители: на заводе. На радиаторном, — широко улыбался Мишка.

— А зачем на завод детские кровати?

— Не на завод. Нам с женой. Ребёнок у нас скоро будет.

— Жена? Ребёнок? Как же тебя угораздило?

— Ничего меня не угораздило, — Мишка продолжал улыбаться. — А ты как? Что с институтом? Закончил? Где работаешь?

— Не напоминай мне, пожалуйста, про институт. Я теперь телефонный монтажёр и баста, — Лёха два раза хлопнул в ладоши, зачем-то присел, а когда поднялся, достал из кармана рабочее удостоверение, которым он повертел перед носом у Мишки.

Тут в разговор вмешалась продавщица, которую начало раздражать это дружеское общение.

— Телефонный монтажёр, вы покупать что-нибудь будете? Если нет, то разговаривать — на улицу. Здесь покупают, а не болтают. Устроили тут встречу выпускников.

— Как же у вас покупать, если тут даже детских кроватей нет? — поинтересовался Лёха.

— Да, — поддакнул Мишка.

— Будете хамить, молодые люди, вызову милицию, — пообещала продавщица.

— Извините, пожалуйста, мы на самом деле вежливые, просто вы нас не так поняли.

— Вы покупать будете?!

— Нет, — сказал Мишка.

— Да, — сказал Лёха. — Покажите, пожалуйста, вон тот приёмник.

Продавщица недоверчиво уставилась на Лёху.

— Тот, что за вами на второй полке стоит. Будьте любезны, дайте взглянуть.

Продавщица медленно двинулась за приёмником.

— Лёха, зачем тебе приёмник? — Мишка наконец перестал улыбаться.

— Это не мне. Тебе.

— Мне?

— Ну не тебе, а твоему ребёнку.

— А ему зачем приёмник?

— Мишка, что ты глупые вопросы задаёшь? Вот родится у тебя ребёнок, чем ты его развлекать будешь? Сказки ему читать, что ли? Думаешь, я не помню, что у тебя на книги аллергия ещё со школы? А так поставишь радио рядом с кроватью, а там — радиоспектакли или известные актёры сказки читают.

— Во-первых, у меня ещё нет кровати, а во-вторых, у меня есть телевизор. С телевизором и мне не скучно, не то что ребёнку.

— От телевизора слабоумие начинается, а радио фантазию развивает...

— Берёте?! — зло спросила продавщица, которая стояла с приёмником у прилавка.

— Берём, берём. Заплати, Мишка. Потом ещё мне спасибо скажешь.

— Чего заплати? У меня денег с собой нет. Жена мне деньги не доверяет.

— Как же ты за кроватью пришёл?

— Я выбирать пришёл, а не покупать.

Тут продавщицу прорвало.

— Что вы мне тут голову морочите? Нарочно пришли мне работу срывать! Чтоб вам пу-сто было. Всё настроение с утра испортили...

Лёха с Мишкой пошли к выходу, а продавщица ещё долго ругалась. И должно было пройти некоторое время, пока она смогла настроиться на рабочий лад и вновь посмотреть сквозь витрину на улицу.

4

На улице выяснилось, что Мишке на завод во вторую смену, а Лёха всё ещё опасался прийти в телефонный узел вовремя и пригласил друга на пиво.

Друзья сходили в культурно-экономический центр бульвара и вернулись в сквер. Выбрали скамейку напротив одной из бабок и открыли бутылки.

Бабка была не очень рада появлению молодых людей с пивом. До их прихода она сосредоточенно пересчитывала наличность, которую выручила от сдачи стеклотары, то есть пустых банок и бутылок. Рядом с бабкой лежал расстёгнутый кошелек, а в подоле её юбки — несколько кучек мелочи, которую она систематизировала до прихода Лёхи с Мишкой. Теперь она прикрыла кучки денег руками и настороженно смотрела на противоположную скамейку, где друзья вспоминали молодость, шумные компании, поездки на дачу.

Мишка припомнил Лёхе, как тот однажды разбил витрину в магазине. Был такой

случай. Однажды после хорошего времяпрепровождения Лёха возвращался домой в приподнятом настроении. Ощущая в себе невыносимую лёгкость и необъяснимую свободу, он, проходя мимо магазина, в экстатическом порыве бросил в витрину камень. Сторож спустил собаку. Лёха побежал. Собака за ним. Ну, всё как в анекдоте. Лёха, поняв, что собака бежит быстрее, остановился. Собака тоже остановилась. С минуту они смотрели друг на друга. Затем Лёха пошёл к себе домой, а собака — к себе.

Вспомнили ещё, что раньше Лёха как напивался, то заявлял, что идёт на танцы. Один раз он заявил это на даче, где в радиусе километров двадцати вряд ли можно было найти что-то похожее на танцы. Как Лёху ни удерживали, а всё-таки он пошёл на поиски. Вернулся под утро и ничего не помнил. Мишка с друзьями тогда подложили спящему Лёхе в карман пробку от шампанского. Мишка ещё ходил по грядкам в отцовских сапогах. А размер ноги у Мишкиного отца, надо сказать, был не самым маленьким. Когда Лёха проснулся, сказали, будто он привёл с танцев гигантскую пьяную женщину, пил с ней шампанское, целовался, а потом она пошла искать туалет и истоптала весь огород. Пришлось её прогнать.

Про Мишку не вспоминалось ничего интересного. Как утверждал сам Мишка, по-

настоящему интересные вещи с ним начнутся только теперь — после свадьбы.

— Страх как интересно: жена, ребёнок, работа на заводе, — сказал подвыпивший Лёха.

Мишка немного обиделся.

— Мне — очень интересно, — ответил он. — А вот тебе, Лёха, я не завидую.

— Действительно, что мне завидовать? У меня жена деньги не отбирает, чтоб я приёмник сыну не мог купить.

— Лёха, у меня телевизор есть. И жена есть, и ребёнок есть. Почти есть. А у тебя этого всего нет. И вообще, — Мишка немного подумал, что «вообще», и продолжил, — пользы от тебя нет.

— Это от меня нет пользы? Да если я захочу, я вот сейчас этими кусачками, — Лёха порылся в чемодане, — пойду и тебе телефон перережу, хочешь? Тогда и посмотрим, от кого какая польза.

Мишка притих и посмотрел на кусачки. Лёха тоже стал смотреть на орудие своего труда. Уж до чего хорошие кусачки! Сразу за кусачками открывался вид на скамейку. Этим видом Лёха заинтересовался после того, как налюбовался на инструмент.

5

— Мишка, тебе не кажется, что здесь бабка с деньгами сидела?

— Ну, сидела и ушла.

— Ушла, а деньги остались.

На скамейке действительно лежал кошелёк. Лёха взял его и вернулся к Мишке. Было жарко. Сквер опустел. Лёха раскрыл тугой кошелёк. Тот был полностью набит мелочью. Мятые рубли лежали в одном отделении, копейки — в специальном кармашке.

Лёха посмотрел по сторонам и, обнаружив, что бабки нигде нет, торжественно произнёс:

— Ну, Мишка, это судьба!

— Ох и напьёмся! — обрадовался Мишка.

— Сразу понятно, кто из нас чаще телевизор смотрит. Нет, Мишка, мы идём покупать тебе приёмник.

— Приёмник, — грустно повторил Мишка.

6

— Девушка, здравствуйте ещё раз, можно вас отвлечь?

Продавщица комиссионки настороженно посмотрела на Лёху.

— Что вам ещё надо?

— Заверните, пожалуйста, этот приёмник.

— А кто платить будет?

— А платить будет, опля, — Лёха два раза хлопнул, присел и выпрямился с удостоверением в одной руке и кошельком в другой, — телефонный монтажник Алексей!

Продавщица поставила приёмник на прилавок, нажала на кассе несколько кнопок и назвала цену.

Лёха расстегнул кошелёк и вывалил его содержимое на прилавок.

— Это что? — спросила продавщица.

— Это деньги, возьмите.

— Это деньги? Это не деньги! Что ты мне мелочь суёшь? Ты где-нибудь видел, чтоб таким расплачивались? Шли бы вы отсюда, выпускники, пока я милицию не позвала! Чтоб я вас здесь больше не видела!

— Так, давайте жалобную книгу, — завёлся Лёха. — Сейчас я вам напишу всё, что я о вас думаю.

— Вы только посмотрите на него! Жалобную книгу ему подавай. Только утро началось, а он уже нажрался и работать мешает. Жалобную книгу! В милицию тебя, а не жалобную книгу! — продавщица направилась к телефону и сняла трубку.

Жест продавщицы немного утихомирил Лёху. Он задумался, что придётся показывать милиционеру удостоверение монтера и как-то объяснять, почему он ещё не на работе. Мишка в это время распахивал мелочь по карманам.

— Девушка, всё в порядке, мы уже уходим. Уходим, — а Лёхе Мишка приговаривал: — Это судьба, ну точно, судьба, против судьбы не попрёшь.

— Жалобную книгу! — орала продавщица. — Нету у меня для тебя жалобной книги.

7

На улице Мишка утешал раскрасневшегося Лёху.

— Успокойся. Ничего страшного. Судьба. Пойдём выпьем.

И они снова сходили в культурно-экономический центр бульвара, а затем вернулись на свою скамейку.

Теперь разговор шёл в основном о Мишке.

— Ну, с утра мы просыпаемся, смотрим телевизор, пьём чай, — объяснял Мишка.

— А вечером что? — интересовался Лёха.

— Вечером мы едим, смотрим телевизор, ложимся спать.

— А в выходные?

— В выходные мы просыпаемся попозже, пьём чай и смотрим телевизор. Весь день можем смотреть телевизор. Выходные я очень люблю.

— Кто их не любит. Это ж и на работу ходить не надо.

— Такое ощущение, что тебе никогда работать не надо.

— В том-то и дело, что надо. Посидика, я пока позвоню, скажу, что задерживаюсь, — Лёха оставил Мишку и пошёл искать телефон.

8

Ближайший телефон-автомат находился около комиссионки. Но не к нему направился Лёха. Он начал колошматить по витрине магазина, закрытого на обед, пока на стук не вышла старая знакомая продавщица.

— Девушка, а ну откройте. Я по работе!

— По какой ещё работе?

Лёха два раза хлопнул в ладоши, зачем-то присел, а когда поднялся, достал из кармана рабочее удостоверение, которым он повертел у витрины.

— Видали? Мне нужно срочно позвонить.

— Ну всё, ты у меня доприседался, — продавщица резко развернулась и торопливо унесла своё большое тело вглубь магазина.

9

Сначала Лёха думал запустить в витрину камень. Однако, вспомнив похожий эпизод из своей жизни, он решил действовать, как профессионал. Благо и профессия у Лёхи теперь была не какая-нибудь.

«Доприседался! — думал Лёха, огибая магазин. — Это я-то доприседался! Это ты у меня доприседалась». К задней двери комиссионки тянулись провода. Много проводов. Толстые, тонкие, чёрные и светлые,

замотанные изолентой и совсем новые. Лёхе не составило труда вычислить среди них телефонный.

Лёха поставил на землю чемоданчик, посмотрел по сторонам — никого. Достал кусачки, которыми недавно хвастался перед Мишкой, и — щёлк-щёлк.

— Позвони мне, позвони, — напевал Лёха по пути в сквер, — позвони мне, ради бога.

10

Мишка сидел скрючившись и какой-то красный. Лёха плюхнулся рядом. Мишка всхлипнул. Лёха посмотрел на друга и увидел, что это вовсе не Мишка, а какой-то мужик. Причём мужик уже немолодой и небритый: седая щетина торчала из щёк на сантиметр.

— Мужик, а где тут только что Мишка был?

Мужик посмотрел на Лёху и промолчал. Из правого глаза у него выкатилась слеза.

Лёха забеспокоился.

— Мужик, ты чего плачешь? Из-за Мишки, что ли? Да не беспокойся ты за него. У него всё в порядке. Жена есть, ребёнок скоро будет. Приёмника, конечно, нет, зато есть телевизор.

Лёха подумал и продолжил:

— Ты бы лучше, мужик, из-за меня плакал. Это у меня ни жены, ни ребёнка, ни телевизора. И пользы от меня нету.

— Есть польза. Есть, — сказал лжемишка. — Дай мне рубль, вот и будет польза.

Лёха выгреб из карманов оставшуюся мелочь, отдал краснолицему мужику с седой щетиной. Тот ушёл, а Лёха стал перебирать в уме события дня.

11

Со стороны бульвара в сквер вошёл милиционер. Около Лёхиной скамейки он остановился. С минуту они смотрели друг на друга. «Сейчас я пойду к себе на работу, а он к себе», — подумал Лёха. Но милиционер никуда не пошёл.

— Гражданин, ваши документы, — обратился он к Лёхе.

Делать нечего, Лёха поднялся, два раза хлопнул в ладоши, затем, само собой, присел, а когда выпрямился, то достал из кармана что-то, оказавшееся рабочим удостоверением телефонного монтажера.

— Так, так, так. Понятненько, — сказал милиционер, даже не посмотрев на корочку. — Пройдёмте в отделение.

— Вообще-то я на работу опаздываю, — попробовал сопротивляться Лёха.

Представитель власти взял Лёху под руку и повёл составлять протокол.

Проходя мимо комиссии, Лёха посмотрел на витрину и увидел чудо: счастливое лицо продавщицы.

12

На работу Лёха вышел только через две недели и один день. И всё это время по скверу ходила бабка, ища то ли свой кошелёк, то ли пустые бутылки. Ходила она по скверу и после того, как Лёху выпустили. А сейчас, говорят, на скамейке, где она оставила кошелёк, можно встретить её призрак. Призрак пересчитывает деньги, позвякивая монетами, похрустывая купюрами.

13

Ну, ладно-ладно, не было никакого призрака. Просто Лёха вышел через 15 суток и пошёл на работу. И всё.

Денис устал быть писателем. У него не получается писать, потому что он постоянно думает о том, на что будет жить. Я помог ему устроиться курьером, а сам, как свинья, остался писателем.

«Роллтон» больше не вызывает изжоги.

Союз писателей России признал меня молодым писателем. Получил от него сегодня стипендию. Ехал забирать и до последнего не мог поверить в то, что мне денег дадут. Не верил, однако мысленно прикидывал, на что можно их потратить. Оказывалось, что я могу купить всё, что пожелаю — а желал я только еду, потому как скромн стал в последнее время. И вот я представлял, что пойду в какое-нибудь кафе пообедать или накуплю в магазине всего, что под руку попадёт.

Каково же было моё разочарование, когда в ближайшем гастрономе, теребя в кармане полученные тыщи, я понял, что настолько привык жить на 50 рублей в день, что больше потратить не в силах. Я просто не способен наесть на сумму, превышающую 50 рублей. Купил булочку и кисель. Объялся.

Волшебство

У одной девочки была очень жадная мама, которая никогда не давала денег на карманные расходы. Тогда девочка убила

маму, написала на листике «Помогите, умерла мама» и стала с этим листиком в метро, чтоб заработать. А в это время в метро проходил злой волшебник. Он помог девочке — оживил маму. После этого случая мама перестала быть жадной и всегда давала девочке деньги на карманные расходы.

Посвящение

Так прошёл год, повторить который у меня уже не хватило ни желания, ни сил, ни средств. Измождённый, я бежал в домашний уют набирать потерянные килограммы, переваривать полученные ощущения. Более храбрые дотянули до защиты дипломных работ. Только тогда я им позаиводовал, перерыл всё написанное мною в институте и нашёл, что у меня тоже есть дипломная работа, пусть даже и несколько беззащитная. Её-то я и посвящаю Денису Дробышеву, Валере Печейкину, Нарсулуу Гургубаевой, Алие Каримовой, Наташе Рымарь, Маше Пабст и, так уж и быть, Оле Яковлевой. Когда-нибудь мы вернёмся к этому дому на Добролюбова, разберём его по кирпичикам, самые удачные из которых будут проданы с нашими автографами.

*Москва — Минск
2007 — 2008*

БОБ ИВАНОВИЧ И МАРС МАРСОВИЧ

Кризис среднего возраста

Боб Иванович скис. Целую жизнь он работал, веселился, радовался, грустил, бродил по улицам — а теперь скис. Причём нельзя сказать, что он хоть раз за свою жизнь бывал в депрессии. Этого решительно невозможно сказать про Боба Ивановича. Вот Марс Марсович — другое дело. Это был такой субчик, который целую жизнь нудел, гундосил, ворчал, стонал и вздыхал. Марс Марсович скис, пожалуй, ещё до рождения. А Боб Иванович только теперь: в 73 года.

73 — это жуткий возраст, попробуй в него не скиснуть. Тут уже надо подводить какие-то итоги и по результатам подведения идти выбирать себе памятник на могилку. Хотя тоже непонятно. Вот Марс Марсович подвёл в 73 свои итоги и купил себе надгробие в виде маленькой птички в клетке.

— Душа моя, — говорил Марсович, — всю жизнь, как птичка в клетке, промаялась. Вот и памятник у меня подходящий будет.

Но это уже когда было — 20 лет назад. Сейчас Марс Марсовичу уже 93, и в этом возрасте он уже ни за что не стал бы заказывать себе надгробие в виде птички — а

что ты будешь делать: уже готово и стоит в прихожей. Не пойдёшь же к скульптору: «Знаете, а переделайте мне эту птичку в собачку». За последние годы Марс Марсович завёл себе собачку и очень к ней привязался, а потому хотел себе на могилу собачку. Но никуда ж не денешься теперь: птичка так птичка.

Вот Боб Иванович и остерегался подводить итоги и заказывать монументы: а ну как только полжизни прошло? И только он так подумал, как сразу приосанился, расправил плечи и всячески вырос в своих глазах. «Действительно, — думает, — раз только полжизни прошло, то с изваяниями торопиться как-то рановато. Пойду-ка я лучше на улицу погуляю». И, улыбаясь, пошёл бродить.

Любовный зуд

Боб Иванович был жизнерадостный оптимистический старец. За свою жизнь он был в депрессии всего лишь раз, да и то это длилось каких-нибудь там пять минут. Впрочем, случались в его жизни моменты, близкие к депрессии. Но было это чаще всего в молодости.

Вот однажды, когда Боба Ивановича звали просто Боб — вот так вот запросто: Боб и всё. Кто угодно мог подойти, хлопнуть

его по плечу и сказать: «Боб!», и Боб Иванович бы не обиделся. Хотя один раз он всё-таки обиделся. Это было тогда, когда Марс Марсович, которого в то время звали ещё просто Марс, вяло хлопнул Боба Ивановича по плечу и тоскливо так сказал: «Бо-об...». Тут Боб Иванович и обиделся, но долго дуться он не мог, потому что Марс Марсовичу было уже под сорок и можно было войти в его положение, тем более что он скис ещё до рождения.

Так вот, в молодости Боба Ивановича как подростка постиг любовный зуд. Всё тело его ныло, а душа требовала любви. Причем это уже была не та отроческая любовь, которая довольствуется лишь ахами, телефонными разговорами и рассматриванием своей зазнобы издалека. Это была настоящая подростковая любовь, когда всё тело напряженно ноет и хочется лопнуть, но любить здесь и сейчас, любить по-настоящему, взрослому и немного даже похабно. Хотелось-то хотелось, но предложить данную похабщину девушкам было стеснительно. А как быть? Ведь тело просит.

И вот молодой Боб решил обратиться к относительно молодому ещё Марсу.

— Марс, дружище, скажи, а как это — быть с девушками?

— Ох, голуба, душа моя, все они бабы — стервы.

— Я ж у тебя спрашиваю про девушек, Марс.

— С девушками ещё проще, все они проститутки, о-хо-хо.

Такую дикую картину мира нарисовал Марс Бобу. Понятно было, что надо действовать решительно и незамедлительно — раз девушки и правда такие.

И вот стоит молодой Боб на остановке, ждёт троллейбуса, а любви-то хочется здесь и сейчас. И вот подходят к остановке разные девушки и женщины, а Бобу с каждой из них любви хочется.

«Эх, вот бы с этой! Хотя она, видимо, баба, а значит стерва. Да пофигу мне. А может с этой — ничего такая девушка, или с той?»

И от обилия женского полу у Боба закружилась голова. Господи, ну как же ему быть, ведь с каждой любви хочется! И все такие красивые, такие чудесные. И тут вдруг одна из них, самая красивая, решительно подходит к Бобу и говорит:

— Молодой человек, у вас закурить не найдётся?

— Здесь и сейчас? — переспрашивает Боб.

— Какой забавный! Конечно, здесь и сейчас.

А надо сказать, что Боб тогда ещё не курил. Он вообще никогда не курил, но тогда ещё была надежда, что он закурит. Но

так как сигарет у него не было, то и надежда эта была хлипкая.

— Знаете, а у меня нету сейчас и здесь сигарет... а может... может...

— Ну, хорошо, дурашка, уговорил. Пойдём во двор.

Боб чуть не подпрыгнул от радости: «Наконец-то! Да свершится акт любви!» — прокричал он, но про себя, естественно: чтоб удачу не спугнуть.

А удача шла чуть впереди, и с ней происходили неприятные метаморфозы. Сначала Боб увидел, что её остроносые сапоги перестали гармонировать со спортивным костюмом. Потом её выбеленные волосы показались Бобу слишком редкими. Вдобавок и голос девушки как-то охрип, приговаривая:

— Сейчас, сейчас, потерпи дружок.

Когда Боб и девушка зашли в расщелину между домами, то девушка обернулась и крепко прижалась к Бобу.

— Наконец-то мы одни, — прошептала она. — Давай же здесь и сейчас!

Но Боб уже не был уверен, что здесь и сейчас ему так надо. Это было гораздо похабнее его самых похабных фантазий.

— погоди, я даже не знаю, как тебя зовут, — сопротивляясь, сказал Боб.

— А какое это имеет значение? Ну, Люся.

— Люся?! — это уже переходило всякие

границы. — Знаешь что, Люся, прости меня, пожалуйста, но не здесь и не сейчас. И, пожалуйста что нигде и никогда. Прощай! — крикнул Боб и убежал.

После этого случая любовный зуд пошёл на спад.

Пёс

Марс Марсович был тоскливым пессимистическим старцем. А всё оттого, что он часто задумывался о жизни и месте в ней человека. И сколько он ни задумывался, всегда приходил к выводу, что места для человека в жизни нет.

Птичка сама по небу летит, если не в клетке, пчелка самостоятельно выбирает, на какой цветок ей сесть, собачка живет, как знает, — и всё у них получается легко и свободно. Один лишь человек всё время держит себя в рамках и ничего не может сделать по собственному желанию.

Всё начинается прямо с утра: человек просыпается и сразу же становится несвободным, сразу же от него ничего не зависит. Его подхватывает река-жизнь и несёт, как трухлявое бревно, как фекалию какую-нибудь; несет, не поймёшь куда. Человек умывается, чистит зубы и надевает костюм или джинсы. Никаких мыслей: всё происходит автоматически. Человек выходит из

дому и направляется к остановке. Человек протискивается в троллейбус и, зажатый, едет до метро. Человека выносит из троллейбуса и тащит в подземный переход.

По переходу идут люди: справа — вперёд, слева — назад. И только в центре этого потока лежит что-то чёрное. Люди обходят чёрное автоматически, не замечая. Что это — шапка? Нет, не шапка: это лежит, свернувшись, чёрный пёс. Когда он лёг? Давно? Только что? Жив ли он, умер?

Марс Марсович проходит мимо пса, понимая, что жизнь так и осталась загадкой.

Эксперимент

Однажды Боб Иванович и Марс Марсович решили провести эксперимент. Боб Иванович, по натуре оптимист, говорит:

— Я верю в человечество и во всё хорошее, что есть в нём.

А Марс Марсович, пессимистически настроенный старец, отвечает:

— Человечество ничто. Тлен, брен и хрен. Я не дам за него ни гроша.

— Уважаемый Марс Марсович, я с вашей точкой зрения решительно не согласен, — возмущается Боб Иванович.

— А от вашего согласия, к сожалению, ничего не зависит, — грустно замечает Марс Марсович.

И порешили тогда они провести эксперимент, чтоб окончательно доказать друг другу, что же есть человечество. Заказали небольшой видеозал и пригласили туда часть человечества.

— Я вам говорю, любезный Боб Иванович, как только главная героиня фильма закурит, тотчас же закурит и бóльшая часть зрителей.

— Эх, Марс Марсович, я верю в человечество и совершенно убежден, что зритель почувствует всё то прекрасное, что есть в фильме, и у него не возникнет ни одной мысли о сигарете.

И вот потух свет, а Марс Марсович нажал на кнопку проектора. Зрители смотрели на экран, а Боб Иванович с Марс Марсовичем — на зрителей. Так продолжалось до тех пор, пока главная героиня не раскрыла свою сумочку, достала сигарету и чиркнула зажигалкой...

— Да, любезный Боб Иванович, и к какому же заключению мы пришли?

— Ни к какому, Марс Марсович, каждый остался при своём.

— Но ведь они закурили — стало быть, эксперимент подтвердил мою точку зрения.

— Не знаю, что он подтвердил, а только я всё равно не перестаю верить в человечество.

— А вы, Боб Иванович, шулер, как я

вижу — это в очередной раз доказывает насколько я прав по отношению к людям.

— Будьте к людям помягче, Марс Марсович, лучше проведём иной эксперимент.

— А что ж — и проведём! Время-то у нас есть, как же ему не быть у пенсионеров.

Писатели

У пенсионеров много свободного времени: они его заслужили. Теперь на пенсии они, конечно, думают, что им это свободное время уже не пригодится. Они думают о том, что свободное время надо давать в молодости и пенсию в молодости платить, а на пенсии, так уж и быть, можно поработать. Только общество распоряжается по-иному и заставляет работать в молодости. Так думал и пенсионер Марс Марсович.

А пенсионер Боб Иванович ему доказывал, что свободное время всегда пригодится, что и в старости его можно использовать с пользой.

— Это вы, Боб Иванович, по молодости своей не подумавши говорите. Вот посидите-ка с моё на пенсии — посмотрим, что вы тогда запоёте.

— Марс Марсович, что вы, честное слово, надо радоваться каждой минуте своей жизни и использовать её на все сто!

— Я, знаете, к старости замечаю, что не я использую время, а оно меня.

— Так давайте же изменим ситуацию.

— Легко сказать, Боб Иванович, а как?

— Ну, хотя бы станем писателями. Думаете, старым людям так уж и нечего сказать? Будем писать по рассказу в день, а с того, кто не напишет, — штраф.

— Какой ещё штраф?

— Пять тысяч рублей, Марс Марсович.

— Ладно, давайте попробуем, Боб Иванович.

И они стали писать. Писали каждый день, и никто не хотел проигрывать пять тысяч: пенсии-то нынче небольшие, пять тысяч — деньги не шуточные. Так они писали месяц, а может и два, не исключено даже, что полгода. Исписали уже по 12 общих тетрадей, как Марс Марсович сказал:

— Послушайте, любезный Боб Иванович, я устал уже писать. К чему мы занимаемся этим бумагомарательством? Я не понимаю.

— Мы, дорогой Марс Марсович, используем время себе во благо.

— Каким это таким образом?

— Мы пишем рассказы. После нашей смерти их издадут, и люди всего мира будут знать, какие замечательные были эти Марс Марсович и Боб Иванович.

— Какое мне дело, любезный Боб Ива-

нович, что будет на Земле после моей смерти? Я хочу попробовать на старости лет понаслаждаться жизнью. За 93 года у меня ничего не вышло, но хочется надеяться, что ещё выйдет. А я вместо того, чтоб гнаться за наслаждением, сижу и мараю бумагу! Надоело!

— Ну, воля ваша, Марс Марсович, гоните пять тысяч.

— Натe.

Немного о деньгах

Однажды Марс Марсович, запыхавшись, пришёл к Бобу Ивановичу.

— Любезный Боб Иванович! Катаклизм, катастрофа — вы слышали?

— Что случилось, уважаемый Марс Марсович?

— Капут, полнейший Армагеддон: с 1 января дорожает газ и увеличиваются ввозные пошлины на нефть-сырец.

— И что же нам с того?

— Да то, что плакали наши денежки. Те наши скромные сбережения, что скопили мы за годы стабильности, с 1 января летят в тартарары.

— Хм...

— Не иронизируйте, любезный Боб Иванович.

— Какая уж тут ирония, уважаемый

Марс Марсович, это же совершеннейшая удача. Теперь нам предоставляется шанс самим распорядиться нашими накоплениями, а не оставлять их в наследство каким-нибудь родственникам.

— Ой, уморили, и на что же вы собираетесь потратить наши крохи?

Боб Иванович усадил Марс Марсовича за стол, нацедил валерьянки и поставил чайник.

— Успокойтесь, Марс Марсович, всё очень просто: мы купим автомобиль.

— Автомобиль?!

— Да, машину: «Жигули» или «Запорожец».

— Лучше уж «Фольксваген», только всё равно это пустое: на наши с вами деньги мы сможем купить ужасную развалюху, которая сломается, как только мы отъедем 20 километров от города.

— Марс Марсович, дорогой, будьте оптимистом.

— Я рад бы, да что-то не получается.

— Ну и хрен с вами, пусть горят ваши денежки! А я пойду в «Лондон» или «Битлз-кафе», кутну перед праздниками.

— Постойте, может, лучше в «Граффити»?

— Так, Марс Марсович, вы опять за своё?

— Простите. В «Лондон» — так в «Лондон», только не оставляйте меня одного размышлять над денежными проблемами, а то со мной коллапс случится.

50 лет спустя

Плелась Люся Кандаурова домой из магазина. Ноги шаркают, палочка по земле стучит: Люся — пенсионерка. Давно уже кончилась Люсина молодость, и никто не подходил к ней с просьбой о здесь и сейчас. А любви хотелось, как и раньше. Не знаем, зачем любовь пенсионерке, а только Люся всё ходила и всматривалась в прохожих мужчин с целью затащить их в свою пенсионерскую постель. Ну, хорошо, с мужчинами мы погорячились — Люся всматривалась в старцев.

Вот видит она, идут два старца: один по-старше, а другой ещё постарше. Один на вид оптимистический, другой — пессимистический. Дай, думает, испытаю судьбу:

— Пожилые люди, у вас закурить не найдётся?

Оптимистического старца всего аж передёрнуло, отчего он схватился за пессимистического, будто боялся, что упадёт.

— Курить в вашем возрасте смерти подобно. Правда, Боб Иванович? — произнес пессимистический старец. — Заведите себе лучше птичку или собачку.

— Марс Марсович, прошу вас, уведите меня отсюда, что-то сердце мне тисками стиснуло, — сказал оптимистический старец, стараясь не глядеть на пенсионерку Люсю.

— Вы что, импотенты, что ли? — обиделась Люся.

— Что вы такое говорите? Не гневите бога, дамочка, — в один голос ответили старцы.

— Так вы ж гомики, точно, — закричала пенсионерка Кандаурова. — Что вы мне тут голову морочите, гомы паршивые? А ну, проваливайте! — и запустила в старцев своей палочкой.

Палочка отлетела шага на три и никого не задела, а пенсионерка Кандаурова лежала на земле и дёргала ногой.

— Какая мерзость, Марс Марсович, пойдёте отсюда.

И они пошли по цветущему бульвару. Заходило солнце.

День рождения

Обычно я сплю долго, и мой возраст мне в этом не помеха. Но сегодня была какая-то странная ночь: не спалось. Повернусь на правый бок — заснуть не могу, перевернусь на левый — не спится, на спину лягу — спину ломит, на живот перевернусь — что-то внутри булькать начинает. Встану, похожу по комнате, вроде спать хочется. Снова лягу — снова не спится. Короче, всё как Марс Марсович про себя рассказывал. Тогда я решил позвонить ему, поинтересоваться, как его дела.

— Доброй ночи, уважаемый Марс Марсович, как ваши дела?

— Вы что, с ума сошли, любезный Боб Иванович?! Вы знаете, который час?

— Около двух.

— Вы жуткий человек, я впервые за долгие годы заснул, а вы меня разбудили, будьте вы прокляты, — и повесил трубку.

Я не расстроился. Если расстраиваться из-за каждого оскорбления Марс Марсовича, то можно превратиться в пессимистического старца, а я этого не хочу. Я встал, застелил кровать и пошёл на кухню пить чай. Только я поставил чайник, как зазвонил телефон. Это был Марс Марсович:

— Это вы, Боб Иванович, будьте вы прокляты?

— Я, Марс Марсович.

— Вы не забыли, что у моего внука Марсика день рождения?

— За кого вы меня принимаете? Мы с моим внуком Бобиком уже и подарок вашему Марсику присмотрели, — ответил я.

— Спасибо, спасибо, будьте вы прокляты. Слушайте, я чего подумал, у нас в доме жуткий бардак, давайте мы день рождения у вас отметим.

— Странно, — говорю. Потом помолчал и опять говорю:

— Странно, — а больше ничего и сказать не могу.

— Чего тут странного? Войдите в моё положение, любезный Боб Иванович: не могу же я гостей в бардаке принимать! Вот и отметим у вас, я уже всё спланировал. Сначала я к вам зайду и мы выпьем по рюмочке, чтоб не перед детьми, потом накроем на стол, потом посмотрим телевизор, а там уж вы и сами не заметите, как придут гости.

— А гости кто? — спрашиваю.

— Ну там, Шпилька и Шпунька. Всё, вроде.

— Послушайте, Марс Марсович, а вы не боитесь, что эти девочки наших внуков могут научить чему-нибудь нехорошему? Например, играть в «Крокодила», пить абсент, а потом раздеваться и бегать голыми по квартире?

— Не забивайте себе голову всякой ерундой, Боб Иванович: быть пессимистом у вас не получается. К тому же я Марсику на день рождения такое подарю, что не позволит ему думать о подобной чуши.

— Птичку?

— Какую птичку? Вы б ещё сказали собачку, честное слово. Я подарю своему Марсику национальный флаг!

Запахло гарью. Я понял, что выкипел чайник.

— Будьте вы прокляты, Марс Марсович, я из-за вас чайник сжёг!

Что я прочёл на лице у Боба Ивановича

Я не пессимист, я — реалист. Если кому-то нравится считать меня скучным ворчливым стариком — что ж, не буду их переубеждать. Замечу лишь, что это всё от людской ограниченности и от желания навесить на всё ярлыки.

Когда идёт дождь, я так и говорю, что идёт дождь. Когда жизнь нелепа и грустна, я прибегаю к метафорам, которые выходят такими же грустными, как жизнь. А про птичку в клетке — это Боб Иванович выдумал. Всё ему хихоньки да хахоньки.

Впрочем, верить дешёвому оптимизму Боба Ивановича всё равно что верить в то, что дерьмо снится к деньгам. Помню, был такой случай. Захожу к Бобу Ивановичу, чтоб вытащить его на нашу ежедневную прогулку, а он сидит с кислой миной. Ну, с такой, что можно подойти сзади, плюнуть ему на лысину, а он ничего не заметит и продолжит глубокомысленно смотреть вперёд.

Я тогда беру и хлопаю дважды в ладоши — Боб Иванович не слышит. Тогда я топаю ногами — Боб Иванович в раздумье. Пришлось подойти и сказать:

— Здравствуйте, любезный Боб Иванович, это я — Марс Марсович, пришёл, чтоб пойти с вами погулять!

Тут Боб Иванович сразу же надел свою маску веселия и благодушия.

— Добрейший, добрейший денёк, дорогой Марс Марсович, пойдёмте на променад.

— Ну уж, фигурки, Боб Иванович, для начала вы мне объясните, о чем это вы таком думали, что не слышали, как я хлопал и топал.

— Ах, это... Да я думал о том, что жизнь чудесна, прекрасна и умирительна. Как же хорошо, что мы с вами живём!

— Не лгите, любезный, я на вашем лице всё прочёл.

Боб Иванович тогда стушевался и тихонько так говорит мне:

— Марс Марсович, дорогой, обещайте мне, что никому об этом не расскажете. Не хочу, чтоб меня воспринимали иначе как оптимистического старца.

— Ладно, тайну вашу схороню. Только думаю, что догадливый читатель и сам уже понял, что у вас на лице было написано.

— Ах, что же делать? А давайте мы сделаем так, будто это вы с кислой миной сидели, а не я, тогда никто ничего не заподозрит.

— Побойтесь бога, Боб Иванович, — говорю ему я. — Надо же уметь признать в себе хоть каплю пессимизма.

— Ну ладно, только каплю: признаю.

— Вот и хорошо, а теперь пойдёмте протрясёмся, любезный Боб Иванович.

— Дорогой Марс Марсович!

И мы, рассмеявшись, отправились на променад.

Голубчики

Боб Иванович и Марс Марсович были закадычными друзьями. Их тянуло друг к другу, несмотря на их разные темпераменты, а, может, и благодаря этому. Вот однажды Марс Марсович покумекал над таким положением вещей и пришёл к Бобу Ивановичу.

— Белеет парус одинокий в тумане моря голубом, — говорит Марс Марсович.

— Это вы о чём? — спрашивает Боб Иванович.

— Помните ли, любезный Боб Иванович, как нас одна старая истеричка гомиками обозвала?

— Ах, это было ужасно, до сих пор не могу забыть, дорогой Марс Марсович, — при воспоминании о Люсе Кандауровой у Боба Ивановича увлажнились глаза.

— Так я вот что подумал: а, может, это и не так плохо — быть гомами? Посудите сами: вы живёте один, я живу один — почему бы нам не съехаться и не попробовать жить вдвоём? Представляете, как было бы замечательно?

— Что вы такое мелете, Марс Марсович! Вы хоть представляете, какие обязатель-

ства на нас накладывает голубое сожительство? Да нас же люди будут дразнить: голубой, голубой не хотим дружить с тобой!

— Я вас не узнаю, Боб Иванович, где же ваш оптимизм?

— А ещё люди скажут: голубое ухо, голубое брюхо, голубой чубчик...

— Как дела голубчик! — радостно закончил Марс Марсович. — Я всегда мечтал, чтоб меня голубчиком называли.

— Ох, Марс Марсович, сразу видно, что вас в детстве недолюбили. Хорошо, съедемся на неделю, но жить будем в разных комнатах, и, чур, спать ко мне не проситься.

— Ура, ура, Боб Иванович, вы делаете меня счастливейшим человеком, я даже на миг забыл, что я пессимистический старец. Спасибо вам!

И Марс Марсович потрюхал за вещами.

Бомж

Я — бомж. Я серый минский бомж. Я плохо пахнувший бомж серого города Минска. Я живу в вашем подъезде. Раньше я часто менял подъезды, но людям не нравилось, что я там живу, и они начали ставить домофоны. За какой-то год в районе остался всего лишь один открытый подъезд — это ваш. Теперь я живу в нём.

В подъезде нету холодильника, поэтому

я собираю свою еду в пакет, а пакет кладу на козырёк за окно. Так моя еда не портится. В подъезде нет туалета, но это не страшно, потому что туалет для меня под каждым кустом. Лишь изредка, особо холодными ночами, когда у меня несваренье желудка, приходится пользоваться лестничной клеткой вместо уборной. Тогда у вас наступает желание поставить домофон. Не торопитесь, не надо: всего лишь через месяц запах выветрится безо всяких домофонов.

Ещё я люблю покурить. Но так как своих сигарет у меня нет, я собираю бычки, вытряхиваю из них остатки табака и сворачиваю из него самокрутки. В подъезде нет мусорки, поэтому бумажки я складываю возле ступенек на втором пролёте.

Иногда я ворую ваши лампочки и меняю их на еду, но прибегаю к этому лишь в крайних случаях.

— Пожалуйста, не гоните меня из подъезда, мне больше некуда идти, — закончил Бомж.

— Ну что, Марс Марсович, не будем жаловаться на него в милицию?

— Да, Боб Иванович, его жизнь не из легких, но и мы ведь страдаем — от него смердит, и смрад этот проникает за двери наших квартир.

— Марс Марсович, вы же живете в другом доме, а у меня гостите всего лишь неделю.

— Ах, и правда, любезный Боб Иванович. Что ж, пусть тогда живет этот мизерабль.

— Спасибо вам, голубчики, — застенчиво сказал Бомж.

На улицах нашего города живут отвергнутые обществом люди. Граждане, будьте человечны, не устанавливайте домофоны — дайте бомжам последний шанс.

Ничего хорошего

Зашёл Боб Иванович к Марс Марсовичу и обмер:

— Дорогой Марс Марсович, да на вас же лица нет!

— Знаю, любезный Боб Иванович, у меня в семье трагедия: бабушка умерла.

— Какой ужас, — и Боб Иванович расстроился вместе с Марс Марсовичем.

Но так как долго грустить Боб Иванович не умел в силу характеризующей его черты оптимистического старца, то через минуту он уже весь сиял:

— Не кручиньтесь, Марс Марсович, в каждом происшествии следует искать хорошие стороны.

— Вы что, совсем обалдели, Боб Иванович?! Умерла моя любимая бабушка — что тут хорошего?

— Ну, представляете, какой счастливой

она умерла? Столько лет прожить — не каждому дано. Она наверняка была не младше вас.

— Что за вздор вы несёте? Конечно, она была гораздо старше!

— Видите, как ей повезло: прожила больше чем вы, столько счастья повидала.

— Какого счастья? Две мировые войны, несколько ломок сознания и постоянная демаркация шкалы ценностей — вот что выпало на её долю.

— Ну ладно, зайдём с другой стороны: наверняка она была богата, эта ваша бабушка?

— Что верно, то верно: деньги и солила, и мариновала, все чулки и кадушки ими забила — богатейшая была бабушка.

— Так радуйтесь, дорогой Марс Марсович, всё это теперь по праву принадлежит вам. Теперь вы не то что птичку в собачку можете переделать, теперь вы можете купить себе приусадебный участок графов Чапских, облагородить его и стариться с улыбкой на лице. Я, кстати, могу к вам туда переехать — мы ведь всё ещё голубчики?

— Голубчики-то голубчики, только что мне прикажете делать с матушкой и бабушкой? Не думаю, что они откажутся от наследства.

— Ах, какое горе. Действительно нет ни малейшего повода для радости. Простите меня, дорогой Марс Марсович.

И Боб Иванович потихоньку вышел за дверь. Сегодня он пошёл на променад один.

Рыбка

— Марс Марсович, дорогой, хотите рыбки? Солёенькая.

— Ох, любезный Боб Иванович, мне ничего уже в этой жизни не хочется, — ответил Марс Марсович, но, тем не менее, есть стал.

— Неужели вам не даёт покоя ваша мёртвая бабушка?

— С этим горем я уже свыкся кое-как, но такое чувство, что все жизненные события толкают меня вслед за бабушкой. И вы знаете, я уже даже хочу умереть, — Марс Марсович оторвал хвост второй рыбине.

— Ах, ну до чего же вы всё-таки пессимистический старец. Вы, простите мне моё грубое русское выражение, прямо писсик какой-то.

— Вам легко говорить, Боб Иванович, у вас оптимизм аж из ушей прёт, с вами никогда ничего плохого не случается. А я вот сегодня в чай вместо сахара соль насыпал, потому мне эта ваша солёная рыба глубоко противна, — сказал Марс Марсович, но есть не перестал.

— Тоже мне, нашли, от чего скиснуть.

— Ага, а ещё я сегодня вместо сырка

съел дрожжи. Эти гады такие одинаковые упаковки делают! Только потом думаю, отчего так во рту противно — развернул упаковку, и меня чуть не стошнило, любезный Боб Иванович. Я тогда быстрее зубы чистить, начистил так, что пена изо рта пошла. Только легче не стало: всё равно привкус какой-то мыльный чувствую. Смотрю на тюбик с пастой — а это крем для бритья «Арко». Посудите сами, зачем мне жить? Я теперь желаю только сдохнуть. А тут ещё рыба ваша с костями.

Так разволновался Марс Марсович, что проглотил рыбью косточку.

— Кхе-кхе...

— Что с вами, Марс Марсович?

— Кхе-кхе-кха-кху.... Помогите, задыхаюсь, — прохрипел Марс Марсович.

Боб Иванович стал оптимистически колошматить Марс Марсовича по спине.

— Кхо-кхи-кху, я не хочу умирать, Боб Иванович, кхо-кхолошматьте, пожалуйста, сильней! — сипел Марс Марсович.

— Господи, чуть не помер. Знаете, Боб Иванович, заверните-ка мне лучше этой рыбки домой, а то у вас мне кусок в горло не лезет.

Через час прохожие видели, как Марс Марсович потрохал домой с каким-то свёртком.

Последние тёплые деньки

Август подходил к концу. Солнце после полудня не даром злилось и выжигало природу под корень. Солнце чувствовало, что уже прошла его пора. Солнце знало, что зима в окно стучится и гонит со двора. Зима стучалась по ночам, когда температура падала до нуля градусов. В такие ночи Марс Марсович очень мучался от перепадов температуры и ему не терпелось, чтоб наступил день. И день наступал, и Марс Марсович подходил к отрывному календарю, и отрывал очередной листик, и видел на календаре цифру 31.

— Какой кошмар, уже 31 августа. Вот и лето пролетело. Надо позвонить Бобу Ивановичу.

Боб Иванович весело кричал в трубку:

— Да-да, слушаю вас, Марс Марсович!

— Представляете любезный, какой ужас?

— И слышать ничего не хочу о мёртвых родственниках!

— Да нет, я не об этом. Вы взгляните на календарь: уже 31 августа, последние тёплые деньки наступают. Заходите за мной скорее, пойдём на променад, я должен впитать оставшееся тепло года.

И они шли впитывать. Потом расставались, на следующее утро снова шли впиты-

вать и так далее — пока Марс Марсович вновь не увидел на календаре последнее число месяца.

— Боб Иванович, торопитесь: уже 30 сентября — последние тёплые деньки настают, бежимте на променад.

Потом наступило 31 октября, а на улице всё ещё было тепло, что позволило Марс Марсовичу предположить, что наступают последние тёплые деньки.

30 ноября тоже были последние тёплые деньки, природа всё никак не хотела отходить к зимнему сну, Марс Марсович был с природой заодно.

Новый год Марс Марсович и Боб Иванович встречали вместе. На улице было +6, по окнам радостно барабанил декабрьский дождик.

— Так выпьем же за последние тёплые деньки! — сказал тост Марс Марсович.

— Марс Марсович, угомонитесь, третий тост подряд про тёплые деньки, — возмутился Боб Иванович, — давайте уж лучше за любовь выпьем, голубчик.

Но и после Нового года последние тёплые деньки не прекратились.

Кусок пирога

Марс Марсович до тех пор, пока не ушёл на пенсию, был представителем творческой

профессии. Боб Иванович тоже был представителем творческой профессии, пока возраст не заставил его уйти на пенсию. Будучи на пенсии, Боб Иванович и Марс Марсович на променадах часто размышляли над тем, правильно ли они выбрали себе профессию, не совершили ли какой ошибки во времена своей молодости. Вот и теперь старцы гуляли по парку и вели такую беседу.

— Не нужно нам было соваться в представители творческой профессии, — сетовал Марс Марсович, — теперь нам из-за этого кушать нечего.

— Не могу понять связи, дорогой Марс Марсович, — добродушно замечал Боб Иванович.

— А я вам сейчас растолкую, любезный Боб Иванович. Вот глядите: ни для кого не секрет, что мы с вами довольно-таки посредственные представители творческой профессии. С таким же успехом мы могли стать посредственными представителями рабочей профессии или инженерно-програмистской профессии. А теперь заметьте, что посредственные представители иных профессий живут гораздо лучше нас с вами.

— Хм, материально, возможно, и лучше, я как-то над этим не задумывался.

— А вот вы задумайтесь. Понимаете ли, отчего нам теперь кушать нечего, а у них

дом — полная чаша? Да оттого, любезный Боб Иванович, что все получают свой кусок пирога. То есть как бы каждая профессия делит между её представителями свой пирог. Дело в том, что у представителей творческой профессии пирог самый маленький, а потому мы и живем материально не так благополучно, как эти инженеры-программисты.

— Не огорчайтесь, дорогой Марс Марсович, я ж мильён раз говорил вам, что в каждой вещи необходимо искать хорошие стороны. Вы даже можете хорошие стороны не искать, они просто есть — и всё тут. Вы же со своим пессимизмом склонны их не замечать.

— Это чего же я такого не заметил? Что пенсионер-программист Олег Борисович ездит на променады на «Мерседесе»? Что пенсионер-строитель Бенедикт Семёнович совершает променады на своей собственной даче, а пенсионер-банкир Абрам Борисович для каждого своего променада использует развитую капстрану? Меж тем, они такие же посредственности, как и мы! — распалился Марс Марсович.

— Угломонитесь, как же вы не видите, что пирог не один? Пирогов два!

— Как два?

— А очень просто. Вы заметили пирог материальных благ, а пирог, который

нельзя пощупать, вы не разглядели. Разве вы не видите, что про программистов, строителей, рядовых банковских служащих никто ничего не знает, им не присылают письма с благодарностями, не мечтают стать похожими на них, о них не пишут, наконец! Пирог известности и всех прелестей, которые с ней связаны, у представителей нетворческих профессий совсем небольшой, грамм, может, двести.

Тут как раз мимо проходили две молодые симпатичные девушки. При виде старцев они оживились и радостно бросились им навстречу:

— Ой, вы Марс Марсович и Боб Иванович? Ой, как интересно! А можно с вами сфотографироваться? Не дадите ли автограф?

Через 20 минут они сидели в кафе и уплетали чай с пирогом.

Задом наперёд

Пришёл как-то Марс Марсович к Бобу Ивановичу и говорит:

— Любезный Боб Иванович, срам-то какой.

— Какой?

— А такой, что если моё имя задом наперёд прочесть, то будет Срам.

— Вы ещё не знаете, что будет, если моё имя прочесть таким же образом, дорогой Марс Марсович.

Хуже не бывает

Заходит Боб Иванович к Марс Марсовичу и говорит:

— Вы, дорогой Марс Марсович, давеча расстраивались, что ваше имя в обратном направлении нелицеприятно звучит.

— Ох, и не напоминайте, любезный Боб Иванович.

— Да нет, я просто хотел вас утешить. Моё отчество, прочитанное таким же манером, звучит ещё ужасней: Чивонави. Представляете, Боб Чивонави.

— Не травите душу, йынзебюл Боб Чивонави. Хуже, чем у меня, ни у кого нету. Позвольте представиться: Срам Чивосрам.

Открытки

Боб Иванович очень любил своих друзей и каждый Новый год поздравлял их с праздником открытками. В открытках он им желал нового счастья, здоровья и всех благ. За эти открытки друзья очень любили Боба Ивановича.

Марс Марсович тоже очень любил своих друзей. Каждый Новый год он придумывал всем им чудесные поздравления — не хуже, чем Боб Иванович, только открытки не отправлял: забывал. Потому все друзья думали, что Марс Марсович их не любит.

Приглашение

— Боб Иванович, не хочу я этого вашего Нового года. Он у меня за всю жизнь уже в печёнках сидит.

— Марс Марсович, не упрямитесь. Зайдёте ко мне, посидим, поговорим, диетической пищи покушаем, президента послушаем.

— Нет, Боб Иванович, у меня депрессия, хочу встретить Новый год в постели.

— Голубчик, нельзя же так!

— А как можно?

— Приходите, увидите.

— Уговорили, — нехотя согласился Марс Марсович.

Рассказ, где Боб Иванович и Марс Марсович рады

В новогоднюю ночь исполнились все желания. Выпало много снега, люди стали добрее, умерли все диктаторы, президент почему-то не выступил по телевидению, дешёвый газ продолжал течь рекой...

Боб Иванович и Марс Марсович пили шампанское, ели диетическую пищу и радовались, что никто в следующем году не будет сочинять про их личную жизнь.

КАЛИЛАСКА, ПОКИНЬТЕ ВАГОНЫ

Если вы часто ездите в минском метро, то вам наверняка встречалась старенькая бабушка в тёплом пуховом платке независимо от времени года. Она всегда внимательно слушает, как объявляют станции, и выходит только на «Институте Культуры» или на «Востоке». На улицу бабушка не торопится вовсе, а дожидается поезда в обратном направлении и садится на него. Если бы вы проследили за ней в течение дня, то решили бы, что она просто-напросто забавляется, катаясь от конечной до конечной. Всё бы этим и объяснилось, если бы бабушку не звали Данута Казимировна Калиласка.

А ведь когда-то давно она приехала в Минск навестить свою внучку Анечку. Аня жила недалеко от станции «Могилёвская» и привычно объяснила бабушке, как добираться:

— Идёшь в метро, бабуль, потом пересеживаешься на другую линию и прямиком до «Могилёвской» доедешь.

— А как понять, что нужно пересеживаться?

— Ой, ба, ну, тебе там скажут. Это просто.

А кто скажет? Об этом Анечка бабушке не сообщила.

Первый день в Минске Данута Казимировна могла бы запомнить навсегда, если бы смогла понять, когда он закончился. Вот

вошла она в метро. Осторожно спустилась по ступенькам на станцию и прислушалась. А ничего хорошего не слышно. Только гудение настораживающее. Глянула испуганная бабушка в чёрный тоннель — и почудилось ей, что темнота вглядывается в неё. Смутный страх породил табун мурашек, пробежавших вниз по спине и скрывшихся где-то в пятках. Тем временем гудение переросло в гул, который становился всё сильнее и сильнее. Вот уже из дыры повеяло могильным холодом, а через мгновение из темноты с грохотом выскочил поезд. Двери открылись прямо перед оторопевшей старушкой, и, как загнипнотизированная, она зашла в вагон. Села и сидит ни жива, ни мертва. Уже и думать забыла, что кто-то ей скажет про то, где пересаживаться нужно. А этот кто-то и говорит:

— Асцярожна: дзверы зачыняюцца. Наступны прыпынак — «Інстытут Культуры».

Быстро набирая ход, поезд отправлялся напрямиком в преисподнюю. За окнами Дануте Казимировна мерещились чёрные скелеты. А рядом с ней сидели люди, обречённые на смерть. Они глядели перед собой ничего не видящими глазами, и бабушке Калиласке стало понятно, что это конец. Больше не увидит она света белого, внучку Анечку, Минска-столицы. За минуту старушка вспомнила всю свою жизнь, мыслен-

но попрощалась с родными и близкими и уже собиралась было отойти в мир иной, как вдруг поезд остановился и приятный пожилой голос сообщил:

— Канцавая станцыя «Инстытут Культуры». Поезд далей не ідзе. Каліласка, пакіньце вагоны.

Ну, Данута Казимировна и вышла. «Стало быть, здесь пересаживаться», — подумала она, и сразу же из другого тоннеля вылетел синий состав. Как ни боязно бабушке было, а всё-таки другого способа добраться до «Могилёвской» не существовало. Вот и пришлось ей побороть свой страх и снова сесть в поезд. Размышляя о жизни и смерти, доехала Каліласка до «Востока», где ей снова сказали, что нужно покинуть вагоны. «Нет, стало быть, здесь пересаживаться», — решила бабушка. Пересела. Ехала. Боялась. Покидала вагоны. Опять пересаживалась. «Стало быть, здесь», — думала. Глядела в пустые и равнодушные глаза пассажиров. Рассматривала рекламы и пересаживалась. Сочувствовала сиротам и помогала в постройке храма. Слушала глас свыше и...

До сих пор ездит бабушка Каліласка и всё надеется, что голос скажет:

— Канцавая станцыя «Магілёўская». Поезд далей не ідзе. Данута Казіміраўна Каліласка, пакіньце вагоны.

НЕМИГА

Студёною зимой, то есть весной, которая в здешних местах бывает ещё студёней, чем зима, месяца марта в 3-й день в год 6575...

Ага, фантастика, думаете? Надеетесь, что я вам про будущее напишу, про ядерную зиму и всё такое? А нет, это я вам по старому стилю сказал. А по-новому тот год будет 1067 от рождества Христова. Так что, сами видите, рассказ про минувшее. Но тогда тоже интересно было, не менее забавно, чем в будущем и настоящем. Люди по земле ходили, друг друга убивали, города сжигали — всё, как и теперь. Вот, например, взять хоть Всеслава, тот, что сын Брячислава. Сидел себе Всеслав во своём Полоцке, княжил, так сказать. Но что-то не сиделось ему в этом Полоцке. Скучно, может, стало княжить, или от зимы хандра какая напала — этого мы не знаем, но вот только взял Всеслав, поднял свою полоцкую рать и пошёл занял Новгород. Людей, наверняка, угробил при этом тучу, но развлёкся зато: активной геополитикой позанимался.

А в это время в Киеве княжили Ярославичи: Изяслав, Святослав и Всеволод. Те тоже были не прочь геополитикой побаловаться, ну и, собрав воинов, пошли пару городов разорить. Идут себе идут, день идут, два, неделю. А мороз сильный, заду-

бели князя. Вдруг смотрят — город на реке стоит. «Так-так-так, где наши карты, братья? Ага, река Менига по-нашему зовётся, значитя город — Менизск, отлично. Давайте-ка его разорим». А жители тем временем, не будь дураки, затворились в городе. Фу, думают, пронесло. Но не тут-то было: братья всё равно город взяли, перебили всех мужей, а жён и детей захватили в плен. Ну и, значит, в Киев драпать поскорей. Тут мы и добрались до того момента, с которого история начиналась. Словом, месяца марта в 3-й день выходят братья Ярославичи из города к реке, которую они называют Менига; глядь — что такое? Стоит Всеслав на другом берегу, да не один, а с ратью своей.

— Ты откудава стоишь тут на Мениге у города, стало быть, Менизска? Ведь ты ж в Новгороде должен быть?

— Никому я ничего не должен. Скучаю я на одном месте сидючи. Кстати, как вы это город назвали? Река-то зовётся Немига, а город Немизск. Что-то вы перепутали.

— Ничего мы не путали, гляди, вот карты, вот тебе кириллицей написано: Менига, ну и город, соответственно, Менизск.

— Ишь вы, какие собачьи слова говорите. Сказано вам: река Немига, город Немизск, засуньте вы свои карты пониже кольчуги.

— Это как это пониже кольчуги?

— А вот так это!

Ну, поссорились князья, с кем не бывает. Из-за названия города повздорили. И был снег велик, и пошли друг на друга князья. И была сеча жестокая, и многие пали в ней, и одолели Изяслав, Святослав, Всеволод, Всеслав же бежал. Оттуда и помнит человечество название Менизск. То есть, конечно, оно уже не помнит, что Менизск, потому как сложно было выговорить это название в самом городе, который по настоящему назывался, что уж греха таить, Немизск. А потому люди стали потихоньку переделывать новое название. Сначала город стал Менезск, потом Менеск, следом и вовсе Менск, а теперь и совсем до Минска упростили.

Ну а что Всеслав-то? Он после поражения вообще вне себя был. «Я буду не я, — говорит, — если историческую справедливость не восстановлю». И подсылал он в Менизск шпионов, которые переучивали население называть реку не Менигой, а Немигой. Без малого тысячу лет с тех пор люди спорили о названии реки, пока один умный человек, наш современник, не догадался закопать её под землю: нет реки — нет названия, нет споров.

Но, честно говоря, не такое уж это место — Немига — где бы люди не спорили. Спорили

тут постоянно, ежегодно и ежедневно. Такая уж тут зона — геопатогенная. Вот, например, в конце XX века известен любопытный спор. Строили тогда уже вторую линию Минского метрополитена, произвели раскопки на месте давней битвы Всеслава с Ярославичами, скелетики все перезахоронили, мечи в музей краеведческий отдали. Короче, место для будущей станции расчистили и выкопали яму. Приходят в яму два чиновника. Один, кстати сказать, родился в Полоцке, а второй в Киеве, но жили они оба в Минске и входили в одну комиссию по выбору названий для станций метро.

Вот Кондрат Карлович, который из Киева и говорит:

— О, какая большая яма. О, какая здесь будет красивая станция метро. У, здесь поезда будут носиться с бешеной скоростью, с такой же, как у самолета МиГа. Давай, Павел Петрович, назовём станцию «Имени самолета МиГа».

— Дурак ты, Кондрат Карлович, какого ещё МиГа? Народ нас не поймет. Нет, не будем мы её так называть.

— Нет, Павел Петрович, теперь уж я точно вижу, как здесь будут носиться электропоезда с бешеной скоростью. Всё-таки назовем мы станцию именем самолета МиГа.

- Нет, не назовем именем МиГа!
- Нет, назовем Мига!
- Нет, не назовем МиГа!
- Нет МиГа!
- Нет не МиГа!
- МиГа!
- НемиГа!

И была сеча жестокая, ну, прям как тыщу лет назад без малого. И вы сами уже догадываетесь, кто победил. Потому что теперь станция называется «Немига».

ПЛОЩАДЬ ЛЕНИНА

Как много девушек хороших. И откуда столько ласковых имен берётся? Но всё же не все хорошенькие девушки способны подвигнуть мужчину выкинуть что-нибудь эдакое. Полина Виардо вероятно могла бы, Лиля Брик — несомненно. Лена Глухова? Хм... Ну, если учитывать, какие из-за неё разгорались страсти, то, пожалуй, и она впишет своё имя в историю как женщина, ради которой мужчины идут на всё.

Ну, а Кирилл Дубовского в этой истории будут упоминать в одном ряду с Маяковским и Тургеневым, хоть он не писатель, не поэт, но тоже своего рода талант и гений — архитектор станций Минского метрополитена. Это звание, может, ещё бóльшие обязательства накладывает перед человечеством, потому как образ твоей станции, имя её, будет каждодневно всплывать в сознании тысяч людей. И вот этот образ и имя должны нести любовь и радость в сердца. Это архитекторам метрополитена говорят ещё в институтах. Так что не удивительно, что мы всегда с большим воодушевлением спускаемся под землю и каждый раз получаем удовольствие от соприкосновения с шедеврами наших подземных рафаэлей и давинчей. И надобно нам понимать, что такое же воодушевление испытал когда-то

и автор этих творений, гений которого и состоит в том, что он смог передать нам это чувство, исполненное в камне.

У Кирилла такое чувство, достойное исполнения в камне, впервые зародилось в 13 лет в тесном троллейбусе №2. О, этот маршрут Кирилл запомнит на всю свою жизнь. И не оттого, что там всегда была давка, пот с перегаром перемешивались с запахом дорогих французских духов и из окон был виден главный проспект столицы — а потому что именно в «двойке» он соприкоснулся с любовью всей своей жизни.

Лена стояла посреди троллейбуса и держала в руках клетку с совой. Пассажиры на девочку покрикивали, толкали, а один даже пригрозил выбросить клетку в окно. Только Лена никого не слушала, всё смотрела на сову и улыбалась. Тут Кирилл не выдержал — и влюбился. Втюрился до такой степени, что захотел стать совой в клетке этой доброй девочки и чтоб Лена всегда на него смотрела и улыбалась.

— Вы не выходите? — спросила Лена.

— Нет, — сказал Кирилл и вышел.

— Ой, а зачем же вы тогда вышли? — улыбнулась Лена.

Так они и познакомились. Кирилл проводил Лену до Центра юных натуралистов. А она всю дорогу рассказывала ему о том, какие совы умные, как они чувствуют гро-

зу и любят мышей. Кирилл слушал раскрыв рот, хотя мало что из этих слов доходило до его сознания. Он просто был нечеловечески счастлив, что идёт рядом с Леной.

— Когда я вырасту, я буду орнитологом, — призналась Лена. — А ты? Кем хочешь стать ты?

— Я? — Кирилл задумался. — Вообще-то мне нравятся поезда, и я люблю архитектуру. Может, я стану архитектором поездов? — пошутил Кирилл, и ребята засмеялись. Только читатели не засмеялись, потому что они уже догадываются, что Кирилл будет проектировать и создавать архитектурный облик станций минского метро.

С тех пор Кирилл ни на миг не забывал про чудесную девочку, которая очень любит сов. Ища встречи с ней, он садился в троллейбус, но, не найдя взглядом свою возлюбленную, выходил на следующей остановке и поджидал другой «двойки». Часто ему удавалось устроить таким образом незапланированную встречу, но часто бывало и так, что он доезжал до своей остановки, не перехитрив судьбу.

Однажды Кирилл отважился на то, чтоб попросить у Лены её телефон, и она, к его великой радости, вырвала листик из тетрадки в клеточку и написала на нём номер. После этого они встречались гораздо чаще. Кирилл всё никак не мог понять, любит ли

его Лена или просто так встречается, из вежливости, но спрашивать об этом было как-то неудобно.

Недолго продолжалось безмятежное счастье Кирилла. Вскоре он узнал, что он у Лены не один. И не два, и не три — целый батальон мальчиков ходил за Леной. Многих привлекала её милая улыбка, тихий голос, добрый взгляд. Оказывается, в школу Лену провожал один мальчик, делал математику за неё другой, писал сочинения — третий. А она всех одаривала улыбками, никому не отказывала в прогулке.

Кирилл рано стал мужчиной: он узнал, что за своё маленькое счастье нужно сражаться, что нужно превзойти всех этих негодяев, которые посмели претендовать на его Лену. Каждое сочинение, написанное Лене другим, каждый подарок от её одноклассника оставлял на сердце Кирилла огромный кровавый рубец: он страдал. Но вёл себя как мужчина и не показывал никому свои слёзы. И страдания закалили его, сделали расчётливее. Кирилл потихоньку начал предлагать Лене свои услуги в качестве математика, физика. Затем он отвоевал себе право писать Лене сочинения. Даже подарки Кирилл стал дарить такие, чтоб затмить подарки соперников. Кто-то цветок подарит — Кирилл букет, иной книжку Марины Цветаевой преподнесёт — Кирилл со-

брание сочинений купит, угостят Лену пирожным — Кирилл не поскупится на набор. Словом, Лена стала замечать, что Кирилл для неё способен на гораздо большее, чем остальные. А после того, как он подарил ей клетку для совы — ту, о которой она всегда мечтала, Лена поцеловала его в щёку, и Кирилл надолго стал для Лены мальчиком №1.

Жизнь неслась со скоростью поезда в метрополитене, совыта становились совами и филинами, дети превращались в юношей с девушками. Кирилл поступил в политехнический институт на архитектора станций метрополитена. Лена — на биологический факультет БГУ на специальность «орнитология».

И вот тут-то, как снег на голову, свалился Рафаил Зильбердон. Кирилл всегда болезненно реагировал на поклонников Лены, а так как их всегда было великое множество, то можно сказать, что вся жизнь его была сплошной болью. Но до Рафика Кириллу удавалось справляться со своими конкурентами, теперь же он почувствовал, что сдаёт.

Рафик учился двумя курсами раньше Лены и был, представьте себе, поэт. То есть это он так думал, что он поэт, ну и всех вводил в заблуждение вместе с собой. Он и не вводил бы, да у него на удивленье легко выходило рифмовать слова. И вот он настро-

чит этих рифм и бегают всем читает. Весь институт от Рафаила без ума был: так у него складно выходило.

Очередным своим подарком Лена, как всегда, похвасталась Кириллу. Но не просто так похвасталась, мол, Димка Дубняк мне пластинку подарил или Пашка Цибинык билеты в кино взял. А остановилась, поглядела вдаль и спросила:

— Кирилл, а ты ради меня на что способен?

— На всё! Я даже жениться могу, — горячо вымолвил Кирилл. Он уже давно обдумывал, как бы Лене это сказать, а тут такой случай сам подвернулся.

— На ком? — шутливо спросила Лена.

— На сове на твоей, — обиделся Кирилл. — На тебе, конечно.

— Какой же ты грубый. Вот посмотри, как мне в любви Рафаил Зильбердон объяснился.

И протянула ему листик в клеточку — очень похожий на тот, на котором много лет назад Лена написала свой номер телефона. У Кирилла сердце сжалось от этого воспоминания. Тогда он ещё не знал, как коварна любовь. Но на этом листике не было номера, там были стихи: «Я ради Лены на коленях готов всю землю обползти...». И что-то в таком же духе, Кирилл дальше не запомнил.

Это был удар! Написать поэму Кирилл не мог, не умел, и учиться этому было поздно, а отвечать как-то надо было.

Пока он думал, чем бы таким ответить Зильбердону, подлец Рафик посвящал Лене стихотворение за стихотворением и уже даже начал писать рассказы.

Кирилл не мог пустословить: «Я ради Лены на коленях готов всю землю обползти...». «Ведь не обползет же, сволочь! А Ленке приятно. Ах, чёрт, что же делать?»

Кирилл медлил, он видел, что он уже не №1. Лена прогуливала пары вместе с Рафиком, вечерами ходила с ним в кино и, может — страшно подумать — может, даже уже целовалась. Сердце Кирилла обливалось кровью при мысли, что те губы, которые целовали его в щёку, могли теперь соприкасаться со слюнявыми губами Рафика. Фу!

Все уже поговаривали, что вскоре Лена позабудет Кирилла и навсегда останется с Рафаилом, но Кирилл готовил последнюю битву, решающую. Битву, которая навек вернёт ему Лену. Битву, в которой он расправится со всеми Рафиками Зильбердонами, Димками Дубняками и всякими прочими Цибиньяками.

К тому времени Кирилл уже работал в минском метрострое, а Лена заканчивала институт. Каждый день Лена поднималась

на институтском лифте, и у выхода её ждал Рафик с новыми стихами. Каждый день Кирилл спускался под землю, где строили станцию метрополитена. Там он писал свою поэму, писал как умел — в камне.

В день открытия метрополитена Кирилл встретил Лену у лифта и не дал ей в очередной раз подняться к Рафику.

— Пойдём, — сказал он ей.

— Господи, куда? Меня ждут.

Но Кирилл так стиснул её локоть, что у Лены пропала всякая охота сопротивляться. К тому же она чувствовала свою вину перед ним, хоть и небольшую. Через несколько минут они уже спускались под землю на эскалаторе, а ещё немного погодя были на станции.

— Смотри, Лена, эту станцию я спроектировал и посвятил тебе. Она будет носить твоё имя. Я решил её назвать «Площадь Ленина».

Лена посмотрела на огромный мраморный зал, превосходивший по величине все залы дворцов, которые она видела в своей жизни. Мягкое освещение настраивало на романтический лад. У Лены забилося сердце. Она вспомнила, как любил её Кирилл, увидела, насколько выросла его любовь, и устыдилась того, что могла променять его на Рафика.

Кирилл подвёл её к центру станции, где

возвышалась колонна. Верх её был прикрыт белоснежной тканью. Он протянул Лене верёвку:

— Тяни, Лена.

Лена дёрнула. Белая ткань упала к её ногам — и слёзы потекли из Лениных глаз: на колонне, расправив крылья, сидела каменная сова. Кирилл изваял её сам.

— Лена, ты выйдешь за меня замуж? — с мольбой в голосе прошептал Кирилл.

— Кирилл... О, Кирилл... — Лена потеряла сознание.

Когда она пришла в себя, Кирилл повторил свой вопрос, и Лена обещала подумать.

В завершении нельзя не сказать, что художник-метрополитен высказался категорически против зоологической темы в архитектуре станции. Всё должно было быть идейно и высокохудожественно — так что на сову прилепили серп и молот, а крылья так и оставили. Название тоже менять не стали. Вот только Лена вышла замуж за Рафика Зильбердона, который посвятил ей свою первую книгу стихов.

ЛЕНИН

Первые годы жизни были освещены именем Ленина, его фамилией, его псевдонимом. Жил-был такой Ленин и сделал он всем нам хорошо. Если бы не он, то было бы сейчас гораздо хуже. Ведь всем детям хорошо, правда? Возьми одного какого-нибудь ребёнка, повыспрашивай: ну как тебе? Не в данный момент, а вообще — глобально, как жизнь? Вопрос не простой, но ведь не плохо же, а? Пожалуй что не плохо. А раз не плохо, то, значит, хорошо. И за это вот всё спасибо Ленину.

Я тоже хотел, чтоб из-за меня людям было хорошо, а потому внимательно выслушивал все истории про Ленина и мотал на невыросший ус. Например, был такой рассказ про то, как маленький Ленин приехал в гости к тётке. Там он с тёткиными детьми здорово повеселился: бегал, прыгал, убегал, догонял, ну и задел, как водится, вазу. Ваза упала и разбилась. Тётя собрала всех детей и говорит: «А ну признавайтесь, кто вазу разбил?» И Ленин, в общем-то, не сразу, но, в конце концов, проявил силу духа и рассказал всё. Мораль была такова, что если не будешь честным, то никогда не станешь Лениным.

У моей соседки по парте была какая-то очень красивая стирка. А у меня не было. На одной из перемен я незаметно взял эту стирку себе и никому ничего не сказал. Целый вечер дома я что-то рисовал и стирал замечательной резинкой, а наутро учительница на первом уроке и спрашивает:

— Дети, у Лены пропала её любимая стирка. Может, кто-нибудь взял? Верните, пожалуйста.

Я аж опешил.

— Дети, вспомните, может, кто-нибудь видел?

«Ну же, решайся. Ленин ты или нет?» — стучало в висках. Тут я поднимаю руку, признаюсь, извиняюсь, возвращаю стирку.

Так и жил в первом классе: следовал заветам Ленина, изучал детскую литературу о революции, желал всем сделать хорошо и прославиться. И чем дальше, тем больше доставал маму расспросами о Владимире Ильиче. «Мам, а Ленин правда то? А действительно ли он это? Мам, а говорят, что Ленин...? Слушай, а вот Ленин...»

Восьмидесятые шли к концу, и мама, видимо, здорово подустала от этой ленинианы и не думала уже о том, чтобы щадить чувства ребёнка. Потому при очередном таком вопросе ответила очень грубо:

— Говно твой Ленин.

Тогда-то я умолк надолго. Мне надо было переварить эту важную информацию. Мне надо было понять, почему мама это сказала. На это должна была быть очень веская причина. В любом случае, авторитет моего кумира изрядно пошатнулся. Не то слово пошатнулся — солнце Ленина померкло навсегда. Говорить правду я стал всё реже и реже.

Если Ленин говно, то всё позволено.

ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ СТАРЦА НИКОДИМА

«На всё воля Божья», — подумал старец Никодим и помер.

В последнее время Никодим всё реже выходил на свет из пещеры, которую сам же и вырыл. Кирпич упал прямо на голову старца, оставив мгновение на мысль: «На всё воля Божья».

Отовсюду сбежались монахи, крестясь и бормоча под нос молитвы. Строительство церкви приостановилось, а молодой каменщик, чьи руки выронили кирпич, стоял неподалёку от места гибели бледней, чем покойный старец: «Батюшки, святого старца убил». «Бес тебя попутал», — говорили работники, которые строили в монастыре церковь. А на умиротворённом лице старца не было ни тени укора. По всему видно: умирать ему было не страшно. Он давно ждал момента, когда Господь приберёт его. А Господь, как ему пристало, не торопился, потому и дожил старец в Пещёрском монастыре до 73 лет. Жуть как долго. В его веке никто столько не жил.

С детства Никодим знал: чем большим лишениям себя подвергнешь на этом свете, тем лучше и светлее будет жизнь на том. А жизнь на том свете длится вечно. Как толь-

ко возраст позволил, постригся Никодим в монахи, принял схиму и начал готовить себя ко встрече с Господом.

Сначала он выучил наизусть всю Библию. В монастыре даже отец-настоятель не мог этим похвастаться и завидовал молодому монаху. Как-то он сказал Никодиму:

— Вот ты думаешь, выучил Библию, живёшь в монастыре — и за это тебе врата в рай открыты? Нет, Никодим, не так всё просто. Нужно себя ограничивать до предела. Ведь какие бывают случаи? Иные монахи в лес уходят и там живут среди зверей и птиц, другие залазят на дерево и не слезают по нескольку лет, да и то не все из них в рай попадают. А ты думаешь заучиванием выкрутиться.

«И правда, — подумал Никодим. — Разве ж такая лёгкая дорога в рай?» — и принял обет молчания. Теперь уже сколько отец-настоятель не пытался с ним разговаривать, никак не мог вытянуть и слова.

Вскоре начал Никодим придумывать себе новые испытания. Бывало, закроешься в келье и несколько дней не выходишь. Монахи уже думают, что умер. Взламывали двери, а он сидит Библию переписывает. Ну, извинялись, конечно, дверь на петли вешали и уходили. А иногда наоборот. Зима суровая, а он соорудит во дворе монастыря

шатёр, в сугроб крест деревянный воткнёт и станет на колени — молится. Сколько раз его чуть не до смерти замёрзшего братья-монахи в келью приносили. Но выживал всегда. И пошли слухи по монастырю, что он святее отца-настоятеля да и вообще всех святых, когда-либо на земле живших. Монахи приходили к ручке припасть или просто посидеть рядом. А Никодим молчал, и никто не знал, что у него на уме.

Отец-настоятель к тому времени совсем обессилел и слёг. Подкосили его разговорчики в монастыре, что и говорить. Завидовал он Никодиму, но знал, что грех это тяжкий, а потому на смертном одре призвал его к себе и при всех братьях указал: «Вот ваш новый настоятель», — облегчённо вздохнул и умер.

Но Никодим не жаждал власти и не хотел управлять монастырём, а братья то и дело прибегали к нему с вопросами и просьбами. Потому однажды ночью он вышел во двор монастыря и стал рыть себе нору. Он знал, что это будет единственное место, где его не достанет суэта мирская, и к тому же это будет его главным испытанием. Если сдюжит, то наверняка рая достоин.

Переусердствовал Никодим: не нору вырыл, а целую пещеру длинную-длинную, и навсегда покинул свою келью. Постепенно братья-монахи, желая быть поближе к Ни-

кодиму, рыли свои ответвления в пещере святого старца и селились там. Через некоторое время под монастырем был уже целый лабиринт пещер, за что монастырь прозвали Пещёрским.

Десять лет жил Никодим в пещере, двадцать. Читал про себя на память Библию, молился неустанно, от постоянной темноты кожа его стала бледная, а он благодарил за это Господа. 30 лет жил старец в пещере, не обращая внимания на подселавшихся к нему братьев. Так привык он к этой жизни, что краше его подземной кельи он себе и выдумать не мог.

Однажды вышел Никодим поутру воды из колодца набрать, а Господь наконец смилостивился над ним и разжал пальцы каменщика. Храму, строившемуся над пещерами, суждено было быть законченным после смерти Никодима. На всё воля Божья.

Монастырь оставался далеко внизу, а душа Никодима поднималась в небеса. Легко было душе, потому что грехов на земле у неё никаких не было, а потому ей теперь была одна дорога — в рай.

На самом высоком облаке поджидал Никодима Господь. С почестями встречал святого старца: хлеб, соль, медовуха, яства неисчислимы. От всего отказался Никодим, съел только хлеба корочку.

— Вижу, скромн, — сказал Бог. — Только тебе это здесь не понадобится. Так как грехов за тобою никаких не числится, а если и были какие, то искупил ты их тысячекратно, тебе теперь жить в раю. А в раю — райские наслаждения: ешь, пей, сколько хочешь, чего хочешь, с девушками общайся, книжки, какие пожелаешь, читай — словом, ни в чём себе не отказывай: заслужил!

«Ох, заслужил, — заблагоговел старец. — Сколько лет, сколько лишений — и вот он рай у моих ног».

Пошёл бродить Никодим по дорожкам сада. Солнце глаза слепит, жарко Никодиму в рясе, а навстречу ему девушки обнажённые — фу, срамота.

— Никодим, скидывай рясу, жарко. В раю ряс не носят, — и засмеялись.

«Как не носят? Всю жизнь носил, а тут не будет. Какая ж это святость — без рясы?» — и зажмурился от яркого солнца, а заодно чтоб девок голых не видеть.

— Здравствуйте, Никодим, позвольте с вами поговорить на религиозные темы: помнится, на земле вы были большой знаток Библии, — произнес чей-то знакомый голос.

Приоткрыл Никодим левый глаз и зажмурил сразу же. Перед ним стоял совершенно голый отец-настоятель с бокалом вина в одной руке и кистью винограда в другой.

Никодим побежал куда глаза глядят. А глаза глядели на яблоню. «Неужели та самая?» — мелькнуло в голове у старца. Мысль эту обдумать он не успел, так как споткнулся о чью-то ногу.

— Нельзя ли поаккуратней, — сказал юноша, которого не заметил монах. Парень лежал на траве и перелистывал книгу. Никодим огляделся и увидал, что весь луг занят парочками, которые читали, рисовали, а некоторые даже целовались.

«Свят, свят», — обхватив голову руками, Никодим вернулся обратно к Господу:

— Просить у тебя хочу, о Боже.

— Проси, чего пожелаешь, я твои жертвы ценю и всё для тебя сделаю.

— Я так понимаю, в раю всё можно?

— Всё, Никодим, только яблоков кушать нельзя вон с той яблони.

— Боже упаси!

— Упасу, — усмехнулся Господь.

— Хочу я пещеру — такую, как была у меня на земле, томик Библии и хлеб да воду, а больше мне ничего не надо. Буду славить тебя, Господи.

— Пещеру? — удивился Господь. — Да тут в райском саду никаких пещер с момента сотворения не бывало. Живи на лугу под солнцем, ешь, что пожелаешь, книжки читай, зачем тебе пещера?

— Не вижу я для себя жизни иной, как

в пещере. Да и привык я к ней. А что такое есть, пить да с девицами резвиться, я и не знаю. Не пристало это мне.

— Ну, хорошо. Раз обещал, так исполню, — призадумался Господь. Минуту думал, вот уже и вторая пошла. Вдруг лицо его просияло, и молвил он:

— Люцифер, проводи старца в свои владения и определи в пещеры.

Так святой старец стал жить в аду, за что по сей день благодарит всемогущего Господа.

ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК СЕРГЕЙ СТЕПАНОВИЧ РЕШИЛ ХУДЕТЬ И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО

127,3!

«Нет, нет, нет, срочно надо худеть», — подумал Сергей Степанович. При росте в 170 сантиметров весить столько килограмм было очень неприлично. К тому же попробуйте сложить $1+2+7+3$ — получите 13: чертова дюжина. Нет, худеть просто необходимо!

Чтобы не откладывать своё решение в долгий ящик, Сергей Степанович отказался от завтрака, а вместо него он достал из шкафа старые кеды и отправился на пробежку вокруг дома.

С тех пор, как Сергей Степанович вышел на пенсию, его донимали идеи — одна величественней другой. Вот позавчера он, например, задумал прибить книжную полку над своей кроватью, чтоб удобней было перед сном читать книги. Ведь когда не спится, книга — лучшее снотворное. Но полка висела в другом конце комнаты, и пока Сергей Степанович собирался с силами, чтобы встать да взять с неё томик Чехова, Булгакова, Мураками или Коэльо, он, как правило, уже засыпал. Такая неспра-

ведливость мучила Сергея Степановича, и вот он придумал перевесить полку. Как нахло гвозди в стену, у которой стояла кровать, не вбивались вовсе. И как сильно Сергей Степанович ни колошматил, после двух прямых попаданий по большому пальцу левой руки ему пришлось отказаться от этой затеи. Полку он поставил на пол рядом с кроватью.

А ещё хотел Сергей Степанович передвинуть газовую плиту подальше от окна. Он в процессе готовки очень часто отвлекался на проходящих за окном барышень — как следствие еда пригорала, разваривалась, пересаливалась как-то сама собой. Вот если бы поменять местами плиту с холодильником... Но это ему сделать не удалось, так как плита была крепко прикручена к газовой трубе.

Сегодняшняя счастливая мысль поуходеть решала все проблемы Сергея Степановича. Плиту никуда отодвигать не надо: отныне он будет питаться одной лишь молочной сывороткой. А полку он лучше назад повесит, ведь прогулка от кровати в другой конец комнаты и обратно позволит израсходовать ему лишние калории.

С такими счастливыми мыслями Сергей Степанович стартовал в кедах от своего подъезда в новую жизнь. Что оставлял он в жизни старой? Это не была плохая жизнь — то была жизнь, где Сергей Степанович ни в

чём себе не отказывал, по крайней мере, из еды. Еду он очень любил, но толстым быть никогда не хотел. И вот вам пожалуйста — пенсия, а Сергей Степанович жирдяй. Его уже дети так на улице дразнят. Если так пойдёт дальше, то он может сломать весы, которые рассчитаны на 130 килограмм. И что тогда? Привет, контроль над весом утерян. Нет, это не должно произойти. Сергей Степанович будет худеть.

Добежав до середины дома, он перешёл на шаг. Было тяжело для первого раза. «Ладно, оббегу завтра», — подумал Сергей Степанович и вернулся домой.

Первым делом он повесил на место полку и самые интересные книги поставил повыше, чтоб можно было израсходовать побольше энергии, когда за ними тянешься. Устал. Решил подкрепиться. Пошёл на кухню, открыл холодильник и вспомнил, что худеет.

Из холодильника на него смотрела румяная курица, соблазняя своими аппетитными ножками, рядом стояла открытая упаковка майонеза, чуть тронутый вчера салат дожидался радостного мига, когда сможет попасть в рот Сергею Степановичу. Сергей Степанович зажмурился и ляпнул дверцей холодильника.

«Пойду в магазин за сывороткой», — решил он.

В магазине все продавщицы как сговорились: одна хрустела яблоком, вторая ела бутерброд, третья отрезала колбасу...

— Сыворотку, — Сергей Степанович протянул деньги и стыдливо поглядел в пол. Не забрав сдачи, он пулей вылетел из магазина и чуть не сбил с ног бабу, жевавшую жирный чебурек.

Добравшись до дома, Сергей Степанович вскрыл пакет с сывороткой и за минуту выпил всё до капельки. Сыворотки больше не было — голод остался. В углу затрясся холодильник. Сергей Степанович был уверен: его зовёт курица, просит, чтоб её полили пикантным кетчупом.

Сергей Степанович натянул кеды и решил утолить голод бегом. На этот раз он практически оббежал весь дом. На последних шагах ноги его запутались, и он упал под окном чьей-то кухни. «Жарят мясо», — подумал Сергей Степанович, учуяв запах жареного. И так ему захотелось этого мяса, как будто он 5 лет ничего не ел: рот наполнился слюной, а глаза — слезами.

Оставшуюся часть дня Сергей Степанович перечитывал классику, где, как оказалось, сцен с едой стало больше, чем раньше.

Честь и хвала Сергею Степановичу — он не сорвался. Вот уже 10 дней он выдерживал свою жесточайшую диету. Вес его не-

уклонно приближался к отметке в 120 килограмм. А как хотелось Сергею Степановичу во время своих походов в магазин купить чего-нибудь существеннее сыворотки, как он терпеть не мог ту бабку с жирным чебуреком, которая, как нарочно, частенько поджидала его на улице. Вырвать бы у неё чебурек из рук и скрыться в ближайшем подъезде! Вот она стоит и жуёт, стоит и жуёт, жуёт.

Сергей Степанович переходил дорогу и смотрел в беззубый старушечий рот. Вдруг визг тормозов, удар, Сергей Степанович подлетает, потом падает вниз, а душа его поднимается вверх. Отмучался.

Включается свет и входит ангел.

— Здравствуйте, Сергей Степанович.

— Добрый день.

— Добро пожаловать на небеса. Я с вами посижу, пока ваш вопрос решается.

— Товарищ Ангел, скажите, я буду жить?

— Боюсь, что нет. Так вопрос не стоит. Там, — он указал пальцем туда, — думают, куда вас определить.

— Как жаль, как жаль, товарищ Ангел.

— Не жалейте, когда-то надо умирать.

— Да я не об этом. Мне так жаль, что я затеял всю эту ерунду с похудением так некстати. Эх, если бы я знал, что меня

ждёт, то я бы ел с удвоенной силой. Ни за что б не отказал себе в курице, салате, майонезе, мясе, колбасе, сале, рулете...

Так это он жалостно перечислял продукты, что ангел начал сочувствовать Сергею Степановичу.

— Хорошо, — говорит, — я вам помогу. Только вы никому не рассказывайте. Я вас верну на 10 дней назад, а после снова встретимся.

127,3!

«Нет, нет, нет, срочно надо худеть... Нет, нет, нет, не надо!» — и Сергей Степанович побежал на кухню. С удвоенной силой дёрнул на себя дверцу холодильника и, о чудо: там его поджидала и курица, и салат, и майонез, и множество, великое множество всяких других продуктов.

Вмиг он вытащил всё это на стол и алчно стал отрывать куриную ногу от тушки-гриль. Нога не давалась, выскакивала из рук и будто бы даже отбрыкивалась. «Ишь ты, как живая», — пронеслось в голове у Сергея Степановича. «Живая», — вслух повторил он, и мысли его потекли в роковом русле. Он представил себе, как эта курочка ходила по зелёной травке и клевала зёрнышки, а, может, кудахтала с подругами по птицефабрике. А потом в один ужасный день её вздёрнули вверх лапами и пе-

перезали горло. Скоро и его так вздёрнут. 10 дней осталось. Он в ужасе отпрянул от мёртвой холодной тушки.

В чём, собственно, разница между ним и этой курицей? Только в том, что он знает точную дату своей смерти. Сергей Степанович вымыл руки и вернулся в комнату. Есть не хотелось, он взял было в руки книжку, но не читалось.

Мысль о том, что ему осталось 10 дней, не покидала его. Как он должен провести эти последние дни? Какие удовольствия он хотел бы повторить напоследок? Читать не выходило, курица вызывала неприятные ассоциации. Спать? Чушь, скоро он будет спать вечно.

Сергей Степанович решил идти в магазин: может, там ему удастся купить чего-нибудь вегетарианского, чтобы потешить себя напоследок.

В магазине его встретили вечножующие продавщицы, они разговаривали и смеялись. Да как они могут, когда Сергей Степанович умирает!? Он обошёл весь магазин, но ничто не вызвало в нём аппетита. Сергей Степанович купил сыворотки: надо же хоть чем-то питаться. Выйдя из магазина, он открыл пакет, сделал несколько глотков противной жидкости и подавился. Напротив него стояла бабка и ела жирный чебурек.

Сергей Степанович забежал в подворотню. Его тошнило.

Вот уже несколько дней Сергей Степанович невольно выдерживал свою жесточайшую диету. Какого черта он просил вернуть ему эти 10 дней, каких таких удовольствий он жаждал? Ужель ему хотелось снова худеть? Вот уж неопишваемое удовольствие, нечего сказать! Сергей Степанович не выдержал, вскочил с постели и побежал к магазину. Бабка была там. Она жрала чебурек.

— Бабка, забери меня отсюда, — взмолился. — Не могу я больше так! Видишь, у меня совсем нет удовольствия так жить.

Бабка молчала и настороженно смотрела на Сергея Степановича. Он упал на колени и обнял её ноги. Бабка бросила в него чебурек, но Сергей Степанович не шелохнулся. Бабка стала бить его по голове и истошно кричать. Подоспевшие прохожие разняли их, а бабка плевалась на всех вокруг, досталось и Сергею Степановичу.

Не утираясь, Сергей Степанович пришёл домой, лёг, да так и пролежал до самой смерти без удовольствия.

Позже, когда ангел допытывался, сумел ли он провести те 10 дней с большей пользой, Сергей Степанович только отмахивался и бормотал что-то вроде «фатум, фатум», и еле сдерживался чтобы не плюнуть в ангела.

БИЛЬЯРД

*Вся наша жизнь — бильярд,
и никого не волнует,
умеете ли вы играть.*

Джон Блэкбол

— Алло, Ваня?

— Я.

— Узнал?

— А, здорово, Лёха. Давно не звонил.

— Чего сегодня делаешь?

— Ну, не знаю, надо ЖЖ обновить.

— Мы с Димой решили, что надо встретиться. Поехали в бильярд играть?

— Ну, не знаю, мне ещё почту проверить надо, ответить всем.

— Успеешь ещё проверить, я на машине.

— У тебя есть машина?

— Полтора года как.

Чёрт, у Лёхи есть машина, а у Вани нету. Некрасиво как-то.

В детстве они с Лёхой жили в одном дворе, играли в песочнице, в войнушку и казаков-разбойников, потом резались в карты на скамейке у подъезда, а иногда — в шахматы. Словом, до института были лучшими друзьями. В 18 лет поступили в разные ВУЗы — с тех пор видеться стали всё реже. А как устроились на работу, совсем уже не пересекались, пока не позвонил Лёха.

Машина Лёхи была чёрного цвета, двухдверная. Про такие, Ваня слышал, говорят: спортивная. Для приличия надо было бы обратить внимание на марку, но Ваня был слишком потрясён тем, что у его друзей могут быть машины, и забыл про приличия.

— И сколько она жрёт бензина? — спросил Ваня, когда Лёха завёл двигатель.

— Десять литров на сто километров.

— Ого, — сказал Ваня. Вообще он не знал, хорошо это или плохо, но просто надо же что-то спрашивать у владельцев автомобилей и что-то надо отвечать.

— Ты как там, работу ещё не надумал менять? — поинтересовался Лёха, и сам продолжил: — Я вот уже меняю, а то платят как-то мало.

— Сколько?

Лёха промолчал.

— Так сколько?

— Ай, не люблю я об этом распространяться.

— Ладно, давай колись, если начал, я ж свой человек, — Ваня должен был узнать, сколько могут получать люди его возраста. Он вдруг почувствовал, что ничего важнее этой информации для него на свете нет: теперь он тоже хотел машину.

— Ну, — начал Лёха и затем сказал сумму в пять зарплат Вани.

Жил себе Ваня — спокойно, хорошо и

просто отлично — и вот зачем-то появляется этот забытый Лёха и рассказывает о себе такие вещи. Да ещё как рассказывает! Даже в хвастовстве нельзя уличить: мол, Ваня сам спрашивал. А Ваня уже жалел, что спрашивал, потому что Лёха почувствовал свободу и начал рассказывать, сколько ему будут платить на следующей работе в первый месяц, во второй, в шестой...

— А как там Дима? — еле перебил друга Ваня.

Когда-то Ваня и Лёха вместе ходили на подготовительные курсы, где познакомились с Димой. Этого оказалось достаточно, чтоб так вот выбраться поиграть в бильярд. С Димой, по словам Лёхи, всё было в порядке, причём надо было Лёхе озвучить ещё и Димину зарплату, которая тоже состояла из нескольких Ваниных.

— Слушай, Лёха, а зачем нам этот бильярд? Я и играл-то в него всего один раз, и то пьяный. Может, в пиццерию?

— Не загоняйся, мы с Димой совсем не умеем играть.

Ваня немного успокоился. Хотя, конечно, какое уж тут спокойствие?

Лёха припарковался у клуба, взял с заднего сиденья небольшую сумку и проверил, хорошо ли закрыты чёрные двери его чёрной машины. Дима ждал у входа в клуб с такой же сумкой, как и у Лёхи.

— Привет, давно не виделись. Пойдёмте, я стол заказал.

— Привет. Вы что, сумки вместе покупали, что ли? — съехидничал Ваня.

— Это не сумка, это чехол для кия.

— Совсем не умеете играть, — укоризненно бросил Ваня, но пошёл вслед за друзьями.

Что-то Ване ни чуть не хотелось спрашивать, как жизнь у Лёхи и Димы. Он чувствовал, что это может его ещё больше расстроить и даже вызвать ответные вопросы по поводу Ваниной жизни. А у Вани в жизни ничего интересного не было. Он закончил себе институт, стал работать. Зарабатывал столько, что ему хватало. Никаких излишеств, конечно, но нормальные деньги. Так он считал до сегодняшнего дня, пока не встретился с Димой и Лёхой.

Старые друзья ничего спрашивать не стали. Хотя то, что они сделали, было, может быть, ещё хуже.

— Знаешь правила? — спросил Дима.

— Нет, — грустно сказал Ваня.

— Это очень просто. Нужно забивать в лузы шары своего цвета. Становись, как я, так, прогнись.

— Слушай, Дима, давай я просто шары погоняю.

— Да погоди ты, стойка важна для хорошего удара. Поставь ноги вот так, предпле-

чье перпендикулярно столу, а рука сгибается под углом в 90 градусов.

— Я не запомню.

— А как ты держишь левую? — хихикнул Лёха.

— Да, Ваня, не подворачивай пальцы. Надо так: положи ладонь на стол, сдвинь на себя указательный палец, а большой просто подними вверх. Теперь кий: води его равномерно, чтоб он не шалдыбался у тебя из стороны в сторону.

Ваня удивлялся, как это против его воли тело подчиняется Диминым указаниям. Удивлялся тому, как мог позволить затащить себя в бильярд. Как это так получилось у него с машиной. То есть как это у него не получилось с машиной, в то время как у других получилось. И с зарплатой у других получилось лучше, чем у Вани. Неужели он никуда не годный человек?

Что за чушь!

Ваня лучше их всех, он им ещё покажет! Он сконцентрировал весь гнев в правой руке и со всей силы долбанул кием по белому шару. Тот быстро пересёк стол и ударился в треугольник из 15 разноцветных шаров. Они раскатились по всему столу.

— Молодец, разбил, — отечески сказал Дима, — теперь надо забивать шары в лузы. Главное — осторожней с чёрным шаром: кто его забивает, тот проиграл.

Играли на вылет. Лёха стоял в стороне и ждал своей очереди.

— Как у тебя дела? — забил Дима красный шар.

— Ну, нормально, — промазал Ваня по коричневому.

— Где отпуск проводил? — белый шар стремительно ударился о борт стола, покатился обратно и стукнул в оранжевый шар, отчего тот медленно подкатился к лузе и с глухим звуком упал в неё. — Дуплет!

— На Нарочи, у бабушки, — белый шар ударил по коричневому и упал в лузу.

— Белый забивать нельзя, — сказал Дима.

— Я ж не нарочно.

— А я в Болгарию летал, там теперь почти что Европа, — Дима забил ещё два шара.

— А я в Испании был, — встрял Лёха.

«Тебя не спросили», — подумал Ваня и врезал по коричневому.

— Ура!

— А говорил, что играть не умеет, — подбодрил Лёха.

— Как работается? — лупанул Ваня по синему.

— Отлично! Восемь часов в день + социальный пакет + бесплатный спортзал, — Дима продолжал забивать шары.

— А я зато прихожу на работу, когда

захочу. Времени свободного — куча, — похвастался Ваня.

— И что ты с ним делаешь? — поинтересовался Дима.

— Как что? — Ваня задумался: а что он и правда делает со свободным временем?

— Ну, чем ты увлекаешься?

— Не знаю. Ну как, в интернете сижу, книжки там... читаю. Ну, хобби особого у меня нет.

— То есть марки не собираешь? — усмехнулся Дима.

— Нет.

«Какие ещё марки?» — подумал Ваня и бездумно толкнул белый шар. Белый ударил в синий, синий — в жёлтый, тот отрикошетил в чёрный, который как раз стоял возле левой верхней лузы.

— Аккуратней, видишь, ты проиграл — сказал Дима.

Лёха стал играть партию с Димой, а Ване вдруг стало так тоскливо. Он тупо смотрел на стол и на изощрённые позы друзей. Те противоестественно выгибались, точными ударами загоняли шары в лузы, комментируя что-то про «винты», «боковики», «тёщи» и «снукеры».

— Пацаны, я пойду, меня ждут, — со врал Ваня.

— Пока, — бросил Лёха из-за стола, сосредоточено целясь в очередной шар.

Дима пожал вялую Ванину ладонь и сказал, что надо бы ещё встретиться.

— Ага, — автоматически произнёс Ваня.

Он вышел из клуба и пошёл какими-то тёмными дворами. Шёл по грязи, а в голове вертелись шары, машины, отпуска, зарплаты. Через какое-то время он вышел на проспект и увидел метро. Спустился.

На перроне люди ждали поезда, а на лавке сидела бабка в тёплом зелёном платке и зелёных варежках. Ваня как посмотрел на эти варежки, так и не смог отвести взгляд. Вдруг ладонь бабки расправилась, указательный палец чуть сдвинулся, а большой поднялся вверх, и через дырку в варежке Ваня увидел подушечку большого пальца.

— Не заходите за ограничительную линию у края платформы, — предупредил женский голос в динамиках.

Ваня и не замечал раньше, какой это ласковый голос.

— На путях метрополитена высокое напряжение, — с нежностью продолжал голос.

Больше Ваня ничего не слышал. Он подошёл к краю платформы и чёрным шаром упал на рельсы.

ПЫЖИК

Видели ли вы когда-нибудь пыжика с усами? Сложно ответить? Ещё догадайся поди, кто такой этот пыжик. Вот Ожегов пишет, что это «телёнок северного оленя». Я не ношу на лекции бухучёта словарь Ожегова, потому не знаю про северных оленей таких подробностей. Зато я знаю пыжика.

Елхов вон даже двух пыжиков знает. Одного он видел в Санкт-Петербурге, куда каждую неделю возит экскурсии. Да, Елхов сам всё организовывает, ему очень нравится зарабатывать деньги. Там в Санкт-Петербурге на Фонтанке ему каждый раз показывают памятник Чижиху-Пыжиху. Только он без усов, если честно.

— Ты не замечал в Печейкине ничего странного? — вмешивается в наш рассказ сам Елхов.

Мы с ним сидим на одной из последних парт аудитории, спрятавшись за спинами однокурсников: не хотим конфузить лекторшу, которая явно бы огорчилась, увидев, что мы не записываем и не слушаем её интересную лекцию. За окнами темно, потому что уже зима, а лампы дневного света с привычным жужжанием освещают грязно-бежевые парты, исписанные матерными стишками и замечаниями типа: «Хочу домой», «БГЭУ — сила, БГПА — могила».

За партами сидят измученные, жёлтые в свете ламп студенты, а у доски стоит не менее жёлтая лекторша.

— Нет, не замечал. Печейкин как Печейкин, — немного подумав, отвечаю я Елхову.

Андрей Печейкин — наш одноклассник. Самое странное в нём то, что он младше всех нас.

— А что? Ты, что ли, замечал? — спрашиваю я Елхова.

— Ещё бы, я ж ваш староста. Я, может, на парах редко бываю, — что правда, то правда из-за этих экскурсий Елхов чаще бывал в Питере, чем в институте, — но за своей группой слежу. Вижу, кто чего. Все наши пацаны с девками общаются: Андрюха с Наташкой, Касперович с Яковлевой. Даже вот Русакевич в Новикову втюрился, хоть он это скрывает, но я-то вижу. Да и за тобой я замечал, не отрицай даже.

Я промолчал: неужто это так видно?

— Просто я очень наблюдательный, — продолжил Елхов, — И вот что я тебе скажу: в нашей группе все пацаны как пацаны, а вот Печейкин — голубой, — Скачков неосторожно повысил голос на последнем слове.

Ничего себе, думаю.

— Так, Елхов, почему вы разговариваете? Может, хотите провести лекцию вместо

меня? — это лекторша отреагировала на громко сказанное слово «голубой».

— Простите, мы обсуждаем лекцию, — ответил староста.

— Берите пример с девочек на первой парте — они обсуждают лекцию на перерыве.

На первой парте у нас сидели самые заучки. Три из четырех — наши одноклассницы. Никогда не понимал, что заставляет людей становится заучками. Может, к этому ведёт какая-то генетическая предрасположенность или дефект во внешности? Если так, то у наших одноклассниц явно была генетическая предрасположенность к учёбе. А вот насчёт дефекта внешности — это к четвёртой девочке: у неё росли усы. Да не просто усики, которые, по мнению некоторых, придают женщине страстности, а настоящие усищи, которые наделяют свою обладательницу грустным взглядом и лишают права на личную жизнь. А фамилия у неё была, вы не поверите, Пыжик. Ну да, пыжик с усами — это про неё.

Похоже, Пыжик и не задумывалась, что взгляд можно сделать радостнее, а жизнь полнее, всего лишь избавившись от усов. Ведь есть же там, я не знаю, эпиляторы какие-нибудь, бритвы, косметические салоны. Ведь посмотреть на Пыжик, не обращая внимания на верхнюю губу, — обык-

новенная девушка: фигура, как фигура, грудь и руки на месте. Ноги, правда, худоваты — так ведь не кривые же. Сбрей усы, Пыжик, и наслаждайся жизнью. Но вслух ей этого никто не скажет, а самой ей почему-то сложно догадаться. Так и будет все пять лет учёбы сидеть на первой парте, писать конспекты и грустно усмехаться в усы.

А Печейкин-то тоже хорош. Неужели он действительно голубой? Я вообще ничего против голубых не имею. Если честно, то я их видел только по телевизору.

— Слушай, а с чего ты взял, что он голубой?

Мы с Елховым пригнулись ближе к парте, чтоб не отвлекать больше лекторшу, и перешли на шёпот.

— Знаешь мою Олю? Так вот её сестра просто писается, когда Печейкина видит. Она его уже и на дискотеку приглашала, и в кино, и гуляли они вместе, и наедине в общаге оставались. А он — ничего.

— Ну, — говорю, — это ещё не повод называть его голубым, может, он просто стесняется. Если б ты стеснялся с девушками общаться, так что — мне тебя голубым считать прикажешь?

— Меня — голубым? Ты чего, я ж ёбарь-терминатор, мне дай возможность, так я всех баб в этой аудитории выебу, кроме этой Пыжик усатой, конечно. А Печейкин, поверь мне, голубой.

Тут я забыл про Печейкина и мне почему-то стало так жалко эту Пыжик. Казалось бы, так просто, сбрей усы — и Елхов с тобой, будем корректнее, переспит при возможности. Чего же ты ждёшь? Путь к счастью так прост! Но она не сбривает. Тогда я стал думать, смог бы я из милосердия сделать с Пыжик то, что не решается сделать Елхов. И пришёл к выводу, что, вероятно, смог бы. Потом бы я подсказал ей, что надо сбрить усы — и Елхов бы обзавидовался.

— Веришь ты мне или нет, дело твоё, — продолжал Елхов. — Но, согласись, после моих слов ты уже будешь по-другому смотреть на Печейкина.

Я согласился, однако после его слов я стал по-другому смотреть на Пыжик. Каждый раз, когда я её видел, мысленно внушал ей избавиться от усов. На каждой лекции я пристально смотрел ей в спину, призывая обратиться к бритве или специальному крему. Когда я случайно встречал её грустный взгляд, то всем своим видом показывал, что я не такой, как Елхов, и совсем не прочь — от усов можно избавиться и после.

Однако к моменту нашего расставания с университетом Пыжик так и не рассталась с усами, а я так и не сделал с ней то, от чего отказывался Елхов. Я оказался ничуть не лучше его.

Пыжик я встретил спустя три года после окончания университета. Был дождливый осенний день. Я возвращался домой с работы, погруженный в созерцание своих ботинок, которые разбрасывали мокрые листья. Передо мною такие же листья разбрасывали чёрные туфельки. Их хозяйка была в белом плаще и джинсовой юбке, фигура как фигура, ноги, правда, худоваты, но не кривые же.

Начинало моросить, девушка раскрыла зонтик и обернулась. Я не обратил внимания. Тогда девушка обернулась снова, всего лишь на секунду, и странное чувство охватило меня. Где же я её видел? Бог мой, да это же Пыжик! Интересно, остались ли у неё усы? Волосы её ухожены, одеваться стала лучше — не может быть, чтобы она не избавилась от этого атавизма. Так я шёл за ней в надежде, что она оглянется в третий раз. Дождь всё усиливался, а я даже и не думал открывать зонт. Меня будоражила одна мысль: с усами или без? Но Пыжик всё не оглядывалась. Я уже стал сомневаться в том, что это Пыжик: совсем не так она выглядела, когда мы учились на одном курсе. Вот мы прошли школу, больницу, дошли до светофора, перешли дорогу. Не может быть: Пыжик направлялась в «Милавицу». Она так и не оглянулась. Пойти в женский магазин я не решился, но почувствовал, что в её жизни всё наладилось. Да и видел ли я когда-нибудь Пыжика с усами?

ВИТАЛИК

Он на ней женился и теперь он её муж. Это я про Виталика. Захожу к ней однажды, а он сидит весь лысый, хамоватый, грубо шутит и сам же ржёт. Она: «Познакомься, это Виталик». Что ещё за Виталик? После этого я перестал к ней ходить.

Через пару месяцев двоюродная сестра пришла сама. С Виталиком. «Мы поженились», — говорит, и пошла к маме на кухню, а я остался с ним. Минуту помолчали.

— Ты собак любишь? — спросил он.

— Не знаю, у нас вообще-то кошки дома.

— У меня в Поставах бультерьеры были, умные псы.

Его псы побеждали соседских собак, душили уличных кошек, одного мужика покусали. Тот, естественно, сам виноват был. Потом какая-то сволочь одного бультерьера отравила, второго сбила машина. Умные были псы.

— Да.

В школе Виталик бросил в завуча партой, за что ему аттестат не сразу выдали. Друзья в Поставах были хорошие, да многих посадили. Сам он на свободе только потому, что в Минск уехал. Но теперь с прошлым покончено, он любит свою жену и поступил в экономический колледж — родители сестры уговорили.

— На гитаре играешь? — спросил Виталик.

В углу комнаты действительно стояла гитара.

— Немного.

— Я тоже в школе играл. У меня была группа. Я лидером был, естественно. Пел и на соло-гитаре подыгрывал. В витебском областном смотре участвовали, на республику прошли. Но я в Минск уехал.

— Хочешь поиграть?

— Нет. У меня принцип. Либо серьёзно заниматься, либо никак не заниматься, а бренчать я не хочу.

— Я на них приятное впечатление произвёл, — говорил Виталик сестре по дороге домой.

Я снова стал заходить в гости к сестре.

— Ты не обижайся, что я так себя вёл в первый раз, — Виталик варил кофе, — я ж не знал, что ты её брат. Сам подумай, захожу я к будущей жене, а у неё пацан какой-то сидит. Ты ещё скажи спасибо, что рожу тебе не начистил. Я не люблю, когда к моим девушкам цепляются. Помню, в Поставах привела сестра подружку домой. Ну, я её... В общем, не важно. Теперь я женат и счастлив, очень люблю свою жену.

Виталик аккуратно снял с плиты турку. У турки была отломана ручка.

— Твоя сестра тогда на свидание шла. А я вижу, идёт красивая девчонка. Так и познакомились. К тому лоху она на свидание так и не дошла. Я ей лучший букет в городе подарил. Скучаю по ней, когда её долго нет, на вокзале с самыми дорогими цветами встречаю. Все вокруг на нас оглядываются. Завидуют. Хороший кофе?

— Да, спасибо.

— Я говна не пью. Ненавижу, когда некоторые в чашке заваривают, а потом эта фигня ещё сверху плавает. Я люблю, чтоб всё по-настоящему.

Виталик любил повторять, что знакомство с сестрой круто изменило его жизнь. Он теперь учится, причём лучший в группе, конечно. Бросил пить, и курить бросил: «Этот лох ведь не понимает, что людям неприятно. Он, когда в автобус заходит, на весь салон табаком воняет». Тёща с тестем в нём души не чают, всё время в гости зовут. «Лучший зять, не то что этот доходяга». Книжки стал читать. В основном, исторические или биографии. Иногда, впрочем, и художественные. «Но эту книжку я дочитывать не стану. Книжка хорошая, но он там изменяет. А я терпеть не могу неверности. Сам не изменяю и жену убью, если что».

Прошло ещё немного времени — и наступило в жизни сестры и Виталика мате-

риальное благополучие. Виталик занялся продажей мобильных телефонов. Умудрялся даже сломанные аппараты сбыть по цене новых. «А что я могу сделать, если они лохи? Я их на телефонах дую, они меня потом на шмотках». Действительно, гардероб Виталика стал довольно большим. При помощи сестры Виталик покупал «лучшие вещи», ни разу я не видел, чтоб он два дня подряд ходил в одном и том же. Под влиянием сестры же лысина Виталика скрылась под чудесным мелированным бобриком. «Свой цвет я не люблю, потому и стригся под ноль».

— Хочешь подзаработать? — широко улыбаясь, спросил Виталик. Улыбка уже несколько месяцев не сходила с его лица.

— Как?

— Даёшь мне деньги, потом верну с процентами.

Виталик ехал в Польшу за мобильными телефонами. Денег ему нужно было много. Сомневаться в Виталике у меня вроде бы не было причин.

Прошёл месяц.

— Пограничники такие лохи. Я телефоны распахал по автобусу, они даже не проверяли. Держи деньги, а хочешь — можешь оставить, через месяц ещё больше верну.

Я и оставил.

Так и жили. Виталик возил телефоны, продавал даже самые безнадежные, исправно платил мне проценты, покупал себе новые вещи, любил жену. Пока однажды на дежурство не заступил отряд пограничников-не-лохов.

— Сегодня не могу отдать тебе ни процентов, ни денег. У меня ничего не осталось. Всю партию конфисковали. Я предлагал пограничнику взять любые аппараты, а он — ни в какую.

И, видимо, таких кредиторов, как я, у Виталика было несколько. Он всё реже отвечал на звонки, всё чаще менял номера. Начал курить и пить. Изменил жене.

Через год сестра развелась с Виталиком. Он ещё подрабатывал где-то. Изредка мы виделись, и он нехотя возвращал мне понемногу денег. Потом он ещё на чём-то попался. На него завели дело. Был даже суд, по-моему. Теперь Виталик живёт в Поставах.

Иногда он бывает в Минске, заходит ко мне на работу попить наскоро заваренного кофе, в котором сверху плавают фигня.

— У меня всё хорошо. Работаю на пилораме, платят прилично. У тебя не будет денег на талончик? А то мелочи нет.

ШИШКА

Когда ей на голову упала гроздь засохших стручков акации, я понял, что с чувствами надо быть поосторожнее.

Сначала я прочёл её колонку в интернете. «Удивительное рядом» называлась. «Меня на этой неделе удивил тот поэт да это выступление», — обстоятельно описывала Валя своё удивление. «А на следующей я пойду туда-то и сюда-то, там тоже много удивительного», — продолжала она. Чем-то меня это злило. Потом я её увидел «В контакте» на фотке. Страшненькая такая сухая кобылка. Это, напротив, меня почему-то порадовало.

И вот, значит, она тоже приезжает к морю почитать стихи таким же, как она, поэтам. Я сижу у музея на набережной и всех их должен регистрировать, а Валя с сумками прёт к калитке. И хоть путь ей преграждают отдыхающие, Валя, не сбавляя ходу, кричит им: «Дайте пройти! Ну дайте же пройти». Валя — из Питера.

Плюхнула возле меня сумки, назвала фамилию и то ли голову почесала, то ли что — короче, так подняла руку, что стали видны её небритые подмышки. Кожа белая, ноги-спичечки, лицо лошадиное. Куда ж ты ещё стихи пишешь?

Потом она до уродливости задумчивым взглядом посмотрела на море и снова обратилась ко мне:

— Не мог бы ты мои вещи присмотреть, а я поплаваю пока?

— Мгм, — вежливо отвечаю я, — поплавай.

И вот она вручает мне свою сумочку и даёт распечатки стихов. Видимо, боится, что их тоже украдут.

— Можешь, — говорит, — почитать, если интересно.

Тут-то на голову Вали и упали сухие стручки.

— Ой, что это? Шишка? — удивилась она.

Нет, это не шишка, Валя. Это я тебя не люблю.

ЗЛОДЕЙКА-ЖИЗНЬ

Жизнь — это гадкий андроид, который хватает вас своей железной лапой и бессмысленно бросает, куда придётся. Вы не замечали, как несправедливо иной раз эта жизнь поступает с тихими вежливыми людьми?

Взять хотя бы Валерия Болтикова. Помните, как он был скромным застенчивым мальчиком? Помните, как хотел он стать гитаристом, как хотел?! Часами он разучивал этюды на гитаре, мечтал поступить в музыкальное училище. Но злодейка-жизнь наделила его такой порцией застенчивости, что он постеснялся подавать свои документы именно в музыкальное училище, и грустно отнёс их в электротехникум. Хорошо, Жизнь, теперь ты довольна? Ты схватила Валерия своей железной лапой и бросила в электрики. Был бы из него скромный электрик, кому такой бы помешал? Зачем снова бить его? Зачем бить его током? На первой же практике, колупаясь в электрощитке, Болтиков ощутил неприятный навязчивый зуд. Очнулся в больнице, больше в техникум не ходил.

В больницу Болтиков попал надолго. Нет, вылечили его довольно скоро, но он решил остаться там и работать санитаром. Вернее это жизнь решила за него, а он

только подчинился, оставшись там, куда она его забросила. Работа была, конечно, тяжёлая: тягать носилки с больными, выносить судно, проводить кварцевание и т.п. Но Болтиков смирился со своей грустной участью.

А жизнь тем временем продолжала его бить.

Однажды Болтиков возвращался домой и грустил. Конечно же, он думал, что жизнь не удалась, что она бессмысленна и не видно ей ни конца ни края. Тут вдруг на него пахнуло перегаром:

— Парень, извини, тут такое дело... Можно к тебе обратиться? — перед ним стоял пьяный гопник в спортивных штанах и белой майке с гербом страны Болтикова.

— Да, конечно, пожалуйста, — с опаской ответил Болтиков.

— Слушай, я так волнуюсь, вообще, так волнуюсь. Моя зая... — гопник на некоторое время замолчал.

— Что случилось?

— Моя Танечка, мы договорились с ней встретиться, а она не приходит. Пацан, не в паделу, дай мобилу позвонить.

— Конечно-конечно, — Болтиков с готовностью протянул свой мобильный.

Пьяный потыкал в клавиши, приложил телефон к уху.

— Не снимает. Блин, я так волнуюсь.

Постоял немного. Потом опять набрал номер и взглянул на Болтикова.

— Откуда ты знаешь мою Таню?

— Какую Таню? Вы ошибаетесь, у меня нет ни одной подруги, — действительно, будь у него хоть одна подруга, он, быть может, и не грустил бы сегодня.

— Так, я уже начинаю обижаться. Давай присядем. Смотри.

Он показал Болтикову его же телефон с цифрами номера Тани на дисплее. Болтиков начал объяснять, что гопник сам и набрал этот номер только что. Гопник недоверчиво качал головой.

— Телефоны обычно запоминают набранные номера, — пытался разъяснить ситуацию Болтиков.

Болтиков так и не смог объяснить гопнику, как номер его Тани оказался на дисплее телефона. В тот вечер Болтиков был бит своим же телефоном, зажатым в руке гопника.

Вот тогда Болтиков чуть не стал алкоголиком. Он вспомнил все виденные фильмы и читанные книжки, где говорилось, что алкоголь помогает переносить удары судьбы. Он решил напиться и пить до конца этой проклятой жизни, чтобы не чувствовать боли и обиды. Болтиков пересчитал все свои небольшие деньги и решительным шагом зашёл в магазин, на котором светилась

надпись «Корзинка». Знал ли он тогда, что эта «Корзинка» на самом деле колыбель его будущей жизни?

В любом случае, Болтиков в тот раз не напился, потому что в фойе магазина увидел диковинный игровой автомат, на котором и потратил все деньги. А когда вышел, то ему даже осталось на квас из бочки, которая стояла возле магазина. Такие бочки Болтиков видел только в детстве. Ему приятно было вспомнить времена, когда жизнь его не была. Поэтому он протянул продавщице деньги и сказал, как в детстве:

— Один маленький.

— Берите большой, — улыбнулась девушка.

— Я только что все деньги проиграл, — улыбнулся в ответ Болтиков.

С тех пор жизнь пошла на лад. Болтиков работал веселее, мыл палаты и кварцевал уже с особенным каким-то спокойствием и улыбкой на лице. Получал деньги, шёл в «Корзинку» и спускал там всю получку, выходил, покупал у девушки маленький стаканчик кваса, так как на большой уже не хватало, и, успокоенный, шёл домой.

Спокойствие Болтикова теперь не могло поколебать даже то, что вскоре в дверь позвонил тот самый гопник. Болтиков, правда, широко раскрыл глаза, но тут же получил в морду. Оказывается, гопник прове-

рял телефон своей Тани и увидел чей-то незнакомый номер. Пробил по справочнику. Оказалось, что это номер Болтикова. А что тут может быть удивительного? Гопник сам звонил Тане с телефона Болтикова. Вот Болтиков и не удивился.

Так продолжалось бы ещё долго, а Болтиков целую вечность мог бы терпеть удары судьбы, если бы однажды молоденькая продавщица кваса не захотела посмотреть, как это же Болтиков проигрывает все свои деньги.

Когда он в очередной день полочки пришёл в «Корзинку», она потихоньку закрыла бочку и зашла за ним в магазин.

Зашуршал купюроприёмник, утащив у Болтикова первую тысячу, загудел механизм, пришла в движение железная рука. Болтиков управлял ей довольно неумело для человека, всю зарплату спускающего на этом игровом аппарате. Смысл игры состоял в том, чтоб за ограниченное количество времени, управляя железной рукой, схватить со дна аппарата небольшую плюшевую игрушку и донести её до места, где можно было бы её достать. Зайчики, мишки, тигрята и даже один Шрек лежали, сбившись в кучу на дне игрового автомата, и над всеми ними реяла всемогущая железная рука Болтикова. Хотя если разобраться, то рука эта мало чего могла. Болтиков

пробовал и так, и сяк. Он и подпрыгивал на месте, и приседал, и изгибался, но никак ему не удавалось зацепить ни одной игрушки. Когда деньги закончились, Болтиков обернулся и увидел продавщицу кваса, которая смотрела на него глазами, полными слёз.

— Боже мой, вы такой ребёнок! Пойдёмте, я бесплатно налью вам квасу.

Но кваса тогда он не попил. Выходя из магазина, они встретились лицом к лицу с тем самым гопником.

— Таня?! — с угрозой сказал он. — Ах ты, сука! Я так и знал, что ты с этим!

И тут же избил и Болтикова, и Таню.

Однако через несколько минут жизнь сжалилась над Болтиковым. Гопника забрали в милицию, а Болтиков остался с Таней. Вскоре они поженились и теперь изредка водят своих детей в «Корзинку», чтоб те попытались вытащить игрушку из игрового автомата. Надо сказать, что у них получается не лучше, чем у Болтикова. Вот только Болтиков играет теперь в совсем другую игру — она называется жизнью, которая, если разобраться, оказалась не такой уж злодейкой.

Литературно-художественное издание

Антипов Павел Александрович
ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

Редактор Валентин Акудович
Корректоры: Дарья Визнер, Алена Пятрович
Художник Настасья Атрахович
Дизайн: Nick Antipov, Виталь Сыч
Вёрстка Галина Василевская

Подписано в печать 25.06.2011. Формат 80x100 ¹/₃₂.
Бумага офсетная. Гарнитура SchoolBook.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,592. Уч.-изд. л. 6,3.
Тираж 200 экз. Заказ .

Издатель И. П. Логвинов.
ЛИ № 02330/0494468 от 08.04.2009.
Пр. Независимости, 19-5, г. Минск, www.logvinau.by

Отпечатано в ОДО «НоваПринт».
ЛП 02330/0150476 от 25.02.2009 г.
ул. Геологическая, 59/1, к. 10, 220138, г. Минск